

На правах рукописи

ГАЛКИНА ЕЛЕНА СЕРГЕЕВНА

**КОЧЕВАЯ ПЕРИФЕРИЯ
ВОСТОЧНЫХ СЛАВЯН И ДРЕВНЕЙ РУСИ:
ЭТНОСОЦИАЛЬНЫЕ ПРОЦЕССЫ И ПОЛИТОГЕНЕЗ**

Специальность 07.00.02 - Отечественная история

АВТОРЕФЕРАТ
диссертации на соискание ученой степени
доктора исторических наук

Москва - 2006

Работа выполнена на кафедре истории факультета социологии, экономики и права Московского педагогического государственного университета

Научные консультанты:

доктор исторических наук, профессор Кузьмин Аполлон Григорьевич,
доктор исторических наук, профессор Данилов Александр Анатольевич

Официальные оппоненты:

доктор исторических наук, профессор
Ланда Роберт Григорьевич

доктор исторических наук, профессор
Пихоя Рудольф Германович

доктор исторических наук, профессор
Акашев Юрий Дмитриевич

Ведущая организация - Российский университет дружбы народов

Защита диссертации состоится 16 октября 2006 г. в 13⁰⁰ часов на заседании диссертационного совета Д 212.154.01 при Московском педагогическом государственном университете по адресу: 119571, Москва, проспект Вернадского, д. 88, ауд. 817

С диссертацией можно ознакомиться в библиотеке МПГУ по адресу: 119992, Москва, ГСП-2, ул. Малая Пироговская, д.1.

Автореферат разослан

08 сентября 2006 г.

Ученый секретарь

диссертационного совета

Л.С. Киселева

Киселева Л.С.

ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА РАБОТЫ

Актуальность темы. В течение многих веков большая часть границы восточных славян и Руси пролегла по степи и территориям, населенным этносами с кочевыми традициями. Проблеме взаимоотношения славян и Руси с народами степи было уделено немало внимания исследователей. Но традиционно кочевая периферия славянского мира рассматривается бессистемно, как череда сменяющих друг друга диких племен или, напротив, грандиозных «империй» - Гуннского союза, Тюркского и Хазарского каганатов, возникавших ниоткуда, а потом внезапно и бесследно исчезающих. Оседло-земледельческие племена и номады предстают либо как два непримиримых антагониста, взаимоисключающие миры, один из которых, кочевники, всегда агрессор, уничтожающий земледельческие сообщества или приводящий их в упадок; либо как «благодетель» (т.н. кочевая империя) и процветающие под его защитой данники (земледельцы).

Но особенности общественного развития раннесредневековых кочевников Юго-Восточной Европы оставались неисследованными. Социальная и политическая эволюция номадов традиционно изучалась на материалах двух регионов, в которых кочевничество существовало тысячелетиями и сохранилось до наших дней. Это пустыни Ближнего Востока и степи Центральной Азии и Казахстана. В каждом из них выявлены свои особенности развития, обусловленные разными хозяйственно-культурными типами. При изучении частных вопросов истории средневековых кочевников Восточной Европы к ним применяются схемы, созданные на азиатских материалах. Не ставился и вопрос о влиянии этнокультурных традиций и этнических процессов на развитие сообществ Восточной Европы, созданных номадами или с их существенным участием. Но в любом доиндустриальном обществе, тем более в эпоху поздней первобытности и ранних государств, именно традиционная культура имела решающее значение для формы, в которой происходило становление общественных структур.

Юго-Восточная Европа как хозяйственно-культурный регион имела ряд особенностей, которые отличают ее от Центральной Азии. Это степная зона, более благоприятная для скотоводства и менее подверженная климатическим изменениям, в том числе аридизации и катаклизмам, не занимающая такого огромного пространства, как в Азии. Граница с лесостепью гораздо ближе, а лесостепь, как правило, была населена оседло-земледельческими сообществами. С юга степи замыкала горная цепь Кавказа, Черное море и Карпаты, также населенные оседлыми племенами. Юг Восточной Европы и в античное время, и в раннем средневековье входил в сферу интересов крупнейших цивилизаций и империй – от Древней Греции, Рима, Персии до Византии и Арабского халифата. Такие особенности делали степи Восточной Европы огромной контактной зоной, где происходил сплав различных культурных традиций. Кочевники становились участниками социального и государственного строительства вме-

сте с оседлыми народами, не всегда играя доминирующую роль (в отличие от Центральной Азии).

Таким образом, **объект исследования** – этнические группы и этнополитические объединения кочевников или с существенным участием кочевников, а также полукочевные сообщества с сохранением некоторых кочевых традиций в духовной культуре в степной и лесостепной полосе Юго-Восточной Европы – в непосредственной близости от протославянских и славянских земель Поднепровья, где проходило формирование Древнерусского государства. **Предмет исследования** – этносоциальные и политические отношения, включая особенности социальной организации, систему власти, динамику основных социальных институтов и межэтническое взаимодействие.

Цели и задачи исследования. Цель исследования заключается в выявлении основных особенностей этносоциального и политического развития кочевых сообществ, соседних с восточными славянами и Киевской Русью. Соответственно, основными задачами исследования являются:

- локализация и определение этнического состава и культурных традиций племенных союзов и «государств» степи и лесостепи Юго-Восточной Европы, упоминаемых в разнородных письменных источниках;
- анализ особенностей становления общественных институтов в этнополитических сообществах на кочевой основе поздней античности и раннего средневековья по данным археологии и письменных источников;
- рассмотрение этноразделительных и ассимиляционных процессов;
- раскрытие характера взаимодействия кочевых протогосударств с земледельческим миром, в особенности, с восточными славянами и Древнерусским государством;
- определение путей трансформации политических объединений кочевников.

Пространственные и хронологические рамки. Хронологические рамки исследования ограничены рубежом н.э. – XII в. н.э. В результате миграций конца I тыс. до н.э. – начала I тыс. н.э., с одной стороны, формируется этнокультурный субстрат, на основе которого будут складываться все сообщества кочевой периферии восточных славян эпохи раннего средневековья. С другой стороны, именно в это время в лесостепной и лесной зоне Восточноевропейской равнины возникают археологические культуры, генетическая связь которых с ранними славянами доказана. Эти сообщества находились в постоянном экономическом и культурном взаимодействии с кочевниками, что не могло не отразиться на социокультурной эволюции обеих сторон. Основной верхней хронологической границей является кон. XII в., когда кочевые сообщества южнорусских степей начали активно интегрироваться с населением Киевской Руси и были сформированы основные властные институты этих кочевников. При этом основное внимание будет уделяться этносоциальным и политическим процессам I тыс. н.э. как наименее изученным в исторической науке.

Пространственные рамки — степи и лесостепи Восточной Европы, непосредственно соприкасающиеся с территорией формирования восточных славян и Древнерусского государства, с учетом естественных геофизических и природно-климатических границ, т.е. от Северо-Западного Причерноморья на юго-западе до Предкавказья и Нижней Волги на юге и востоке, до лесостепи Подонья, Подонцовья и Днепровского Левобережья на севере.

Теоретико-методологическая основа исследования. Базой для выработки методологии и методики исследования послужили историософские и теоретические работы отечественных и зарубежных философов, этнологов и специалистов в области социальной антропологии, историков, археологов.

Философской основой диссертации является диалектический материализм как научное мировоззрение и принцип познания, в сочетании с принципом историзма успешно апробированный российской и мировой исторической наукой. Историзм понимается при этом как принцип подхода к действительности как изменяющейся во времени, развивающейся. Объект исследования рассматривается, во-первых, как внутренне связанная система; во-вторых, с точки зрения последовательной совокупности исторических связей и зависимостей; в-третьих, с точки зрения раскрытия закономерностей его развития.

В основании совокупности методов, применяемых в исследовании, находится комплексный подход, который заключается в широком использовании всех данных об историческом явлении, в том числе письменных источников, археологических материалов, данных вспомогательных исторических дисциплин, лингвистики, этнографии, палеоантропологии. Этот единственно возможный для решения поставленной проблемы подход обусловлен тем обстоятельством, что в отношении древних обществ, о многих из которых если и сохранились письменные данные, то крайне фрагментарные и туманные, новые результаты могут быть достигнуты только на основе синтеза предшествующего знания из самых различных областей. Комплексный подход учитывает все многообразие факторов: от исторических, антропологических, археологических материалов до данных ономастики, глоттохронологии и др.

В диссертации используются как общенаучные методы (структурный анализ, а также исторический и логический методы), так и специальные методы исторического исследования. Историко-генетический метод позволяет показать причинно-следственные связи развития этнополитических объединений кочевников Восточной Европы непосредственно в процессе исторического движения, отраженного в источниках. Историко-сравнительный метод, в частности, аналогии, прежде всего применяется при исследовании общественных и властных структур Аланского союза, гуннов, Хазарского каганата и др. — в сопоставлении с хорошо изученными этнически близкими кочевыми обществами Центральной и Средней Азии. Типологизация как метод научного познания применяется при выявлении социально-политических и идеологических традиций в общества с североиранской и гунно-сарматской основой.

При учете особенностей нomaдизма как «исторической альтернативы» хозяйственно-экономического и общественного развития исследование опирается на достижения отечественных и зарубежных исследователей в области социальной эволюции кочевников степей Азии и пустынь Ближнего Востока и Северной Африки, с учетом общетеоретических положений, разработанных на основе материалов этих регионов. При сравнительно-историческом анализе и типологии кочевых обществ в диссертации используются теоретические разработки и фактический материал А.М. Хазанова, Г.Е. Маркова, Н.Э. Масанова, Н.Н. Крадина, А.И. Першица, С.Е. Толыбекова, Т. Барфилда, П.Б. Голдена, Л. Крэдера и др.¹

Степень изученности проблемы. В настоящее время отсутствуют не только обобщающие комплексные исследования этнических и социальных процессов в Юго-Восточной Европе раннего средневековья, но и работы по этнополитической географии данного региона в I тыс. н.э., т.е. периода, непосредственно предшествующего образованию Киевского государства. Поэтому вряд ли можно говорить о существовании сложившейся историографии этносоциальных процессов и политогенеза кочевой периферии восточных славян и Киевской Руси. По данным вопросам не появилось историографических школ с каким-либо количеством последователей, по-разному трактующих суть событий и тенденций развития. В целом, нельзя данную тему считать достаточно разработанной в отечественной и в зарубежной научной литературе. Правильнее будет говорить о характеристике исследований по некоторым из обозначенных проблем, проводившихся в основном в рамках общетеоретического нomaдoведения, а также в работах, посвященных частным вопросам истории этносов и государств Восточноевропейской степи. В данном обзоре будут рассмотрены только теоретические подходы, т.к. историография частных вопросов, относящихся к рассматриваемому периоду, огромна и крайне моза-

¹ *Хазанов А.М.* Социальная история скифов. Основные проблемы развития древних кочевников евразийских степей. – М., 1975; *Хазанов А.М.* Кочевники евразийских степей в исторической ретроспективе // *Кочевая альтернатива социальной эволюции.* – М., 2002; *Khazanov A.M.* Nomads and the Outside World. – Cambridge, 1984; *Khazanov A.M.* Ecological limitations of nomadism in the Eurasian steppes and their social and cultural implications // *Asian and African Studies.* Vol.24. 1990. No 1. – P.1-15; *Марков Г.Е.* Кочевники Азии. Структура хозяйства и общественные организации. – М., 1976; *Масанов Н.Э.* Кочевая цивилизация казахов (основы жизнедеятельности нomaдского общества). – Алматы – Москва, 1995; *Крадин Н.Н.* Империя хунну (структура общества и власти). – Автореф. дисс. ... докт. ист.наук. – СПб., 1999; *Крадин Н.Н.* Кочевники, мир-империя и социальная эволюция // *Альтернативные пути к цивилизации.* – М., 2000. – С.314-336; *Першиц А.И.* Хозяйство и общественный строй Северной Аравии в XIX – первой трети XX в. Историко-этнографические очерки. / ТИЭ. Т.69. – М., 1961; *Першиц А.И.* Некоторые особенности классовообразования и раннеклассовых отношений у кочевников-скотоводов // *Становление классов и государства.* – М., 1976. – С.280-313; *Першиц А.И.* Война и мир на пороге цивилизации. Кочевые скотоводы // *Война и мир в ранней истории человечества.* Т.2. М., 1994. – С.129-244; *Толыбеков С.Е.* Кочевое общество казахов в XVII – начале XX века. – Алма-Ата, 1971; *Артыкбаев Ж.О.* Кочевники Евразии в калейдоскопе веков и тысячелетий. – СПб., 2005; *Barfield T.* The Perilous Frontier: Nomadic Empires and China, 221 BC to AD 1757. – Cambridge, 1992; *Krader L.* The Origin of the State among the Nomads of Asia // *Pastoral Production and Society.* – Cambridge; Paris, 1979; *Golden P.B.* Imperial Ideology and the Sources of Political Unity Amongst the Pre-Cinggisid Nomads of Western Eurasia // *Archivum Eurasiae Medii Aevi.* – T.2. – 1982; *Golden P.B.* Ethnicity and State Formation in Pre-Cinggisid Turkic Eurasia. – Bloomington, 2001; *Golden P.B.* Nomads and their Neighbors in the Russian Steppe. – Burlington etc., 2003, etc.

ична. Основные мнения по проблемам такого характера приведены в соответствующих разделах диссертации.

Что касается теоретических подходов, то отечественная историческая наука начала их разрабатывать лишь в советское время² и наиболее внимательно подходила к экономическим основам социального строя кочевников. Это приняло форму знаменитой дискуссии о «кочевом феодализме» (концепция разработана Б.Я. Владимирцовым³ - первопроходцем в области научной социологии кочевых обществ⁴, развита и «исправлена» уже после его смерти в соответствии с пониманием формационного подхода в ту эпоху⁵), которая развернулась в журнале «Вопросы истории» в 1954-1956 гг., а потом была продолжена в монографических исследованиях. В результате этой дискуссии было окончательно установлено отсутствие кочевого феодализма у кочевников, равно как и невозможность появления такого «строения»⁶. Именно итоги этой дискуссии подвели многих исследователей к мысли о том, что «чистые» кочевые общества не столько не способны преодолеть порог государственности, в связи с низким уровнем социального расслоения, сколько они вообще представляют собой альтернативный путь развития общественных отношений.

В работах Г.Е. Маркова состояние кочевников характеризуется как дофеодалное (предклассовое), поскольку основу любого общества кочевников составляли простые кочевники, а развитая внутренняя эксплуатация была невозможна⁷.

А.М. Хазановым было разработано наиболее емкое определение кочевничества, которое используется сейчас исследователями всего мира, систематизированы основные типы кочевания⁸, и выделены характерные черты раннего

² В работах российских исследователей конца XIX - начала XX вв., прежде всего В.В. Радлова, немало ценного этнографического материала, наблюдений, касающихся социальной структуры кочевников, которых, однако, было недостаточно для адекватной постановки теоретических проблем эволюции кочевых обществ (см., напр.: Радлов В.В. Из Сибири. - М., 1989).

³ Владимирцов Б.Я. Общественный строй монголов. Монгольский кочевой феодализм // Работы по истории и этнографии монгольских народов / Б.Я. Владимирцов. - М., 2002. - С.295-488 (1-е издание этого труда: Владимирцов Б.Я. Общественный строй монголов. Монгольский кочевой феодализм. - Л., 1934).

⁴ Златкин И.Я. Борис Яковлевич Владимирцов - историк // Владимирцов Б.Я. Работы по истории и этнографии монгольских народов. - М., 2002. - С.36.

⁵ Толстов С.П. Генезис феодализма в кочевых скотоводческих обществах // ИГАИМК. - Вып.103. - М.; Л., 1934. - С.165-190.

⁶ См. итоги дискуссии: Марков Г.Е. Некоторые проблемы общественной организации кочевников Азии // СЭ. - 1970. - №6. - С.74-89; Петров К.И. Очерки социально-экономической истории Киргизии VI - начала XIII в. - Фрунзе, 1981. - С.53; Федоров-Давыдов Г.А. Общественный строй Золотой Орды. - М., 1973. - С.13-18; Хазанов А.М. Социальная история скифов. - С.32-35; Першиц А.И. Некоторые особенности классовобразования и раннеклассовых отношений у кочевников-скотоводов; Халиль И. Исследование хозяйства и общественных отношений кочевников Азии (включая Южную Сибирь) в советской литературе 1950-80-х гг. Автореферат дисс. ... канд. ист. наук. - М., 1983; Марков Г.Е. Из истории изучения кочевничества в отечественной литературе: вопросы теории // Восток. - 1998. - №6; Васютин С.А. Социальная организация кочевников в отечественной археологии. Автореферат дисс. ... канд. ист. наук. - Барнаул, 1998.

⁷ Марков Г.Е. Кочевники Азии. - С.45-47; Марков Г.Е. Теоретические проблемы кочевничества в советской этнографической литературе // Историко-этнографическое изучение народов СССР и зарубежных стран. - М., 1989. - С.54-75.

⁸ Хазанов А.М. Социальная история скифов. - С.9-11.

государства у кочевников⁹. Согласно А.М. Хазанову, решающим фактором в возникновении и функционировании кочевой государственности был внешний, а не внутренний фактор – взаимоотношения с оседлыми сообществами¹⁰. Особенности административного аппарата номадов определялись бюрократическими традициями «цивилизации», которую кочевники завоевывали либо с которой контактировали. С появлением такого аппарата общество номадов переставало быть кочевым. Сами же кочевые вождества являются более нестабильной системой, чем оседлые. Система управления в них децентрализована в силу особенностей кочевого скотоводства как способа производства¹¹.

Идеи А.М. Хазанова в современной отечественной науке развивает Н.Н. Крадин, который придерживается мнения об альтернативности оседлых государств и «кочевых империй». В своей докторской диссертации Н.Н. Крадин, в соответствии с принципами, разработанными А.М. Хазановым, а также англо-американскими исследователями, выделяет основные модели образования «кочевых империй»: 1) монгольский путь – посредством узурпации власти; 2) тюркский – в процессе борьбы за независимость; 3) гуннский – путем миграции на территорию земледельческого государства; 4) хазарский – в ходе сегментации крупной «мировой» степной империи¹². Исследователь включает Гуннский союз и Хазарский каганат, существовавшие на территории Юго-Восточной Европы, в свою типологию «кочевых империй», наделяя их всеми признаками таких политических образований. Идеи кочевой эволюции как альтернативы государственности в последнее время обретают все больше последователей на территории России и СНГ¹³.

Единственным исследователем, который на теоретическом уровне развивает концепцию государственности у кочевников Евразии, является Е.И. Кычанов. Он оспаривает тезис о родоплеменной основе кочевых сообществ, вводя понятие «территориальная социогруппа», которая, по мнению Е.И. Кычанова, характеризуется общностью экономических интересов в сфере скотоводческого хозяйства¹⁴. Государственность Е.И. Кычанов находит у большинства раннесредневековых евразийских номадов, считая главными признаками государства появление не обособленного аппарата насилия, а учреждение публичной власти и разделение по территориальному признаку, после чего уже появляются налогообложение и письменность¹⁵. Е.И. Кычанов показал: «чистых» кочевых обществ не было. Все номады либо сами занимались земледелием (на вспомогательном уровне), либо принуждали к этому чужеземцев. Все кочевни-

⁹ Там же. – С.267-271; *Khazanov A.M. Nomads and the Outside World.* – P.231-233, 255.

¹⁰ *Хазанов А.М. Кочевники евразийских степей в исторической ретроспективе // Кочевая альтернатива социальной эволюции.* – М., 2002. – С.53.

¹¹ *Khazanov A.M. Nomads and the Outside World.* – P.164-169.

¹² *Крадин Н.Н. Империя хунну (структура общества и власти).* – С.11.

¹³ См., напр., сборник: *Кочевая альтернатива социальной эволюции.* – М., 2002.

¹⁴ *Кычанов Е.И. Кочевые государства от гунов до маньчжуров.* – М., 1997. – С.268.

¹⁵ Там же. – С.286-300.

ки и полукочевники строили крепости, причем основа культуры домостроительства, как правило, местная¹⁶.

Особняком стоит концепция С.А. Плетневой, основы которой были сформулированы на археологическом материале салтово-маяцкой культуры в 1967 г.¹⁷, а потом развиты с привлечением данных о номадах Евразии других периодов¹⁸. Согласно С.А. Плетневой, любое кочевое общество проходит три стадии: 1) полностью кочевое хозяйство (т.н. «таборный» или куренный способ кочевания); 2) полукочевое с постоянными зимовками и частичной заготовкой кормов (аилный или вежевой); 3) полукочевое с параллельным развитием земледелия и оседлости¹⁹. Исходя из этих положений, С.А. Плетнева реконструирует социальные системы гуннов, хазар, половцев, которые, особенно хазары, предстают создателями развитых государств с торгово-полуземледельческой экономикой, регулярной армией, бюрократической машиной, развитым законодательством, сословиями и гражданскими войнами. Исследователями общих проблем номадизма (с теоретических позиций) мнение С.А. Плетневой фактически осталось незамеченным²⁰.

Кроме того, в рамках изучения конкретных кочевых этносов Юго-Восточной Европы некоторыми специалистами проводились исследования их этнической истории и социально-политической структуры. Как правило, в этих работах используются теоретические выкладки, созданные на основе азиатского кочевниковедческого материала, либо устоявшиеся схемы реконструкции эпохи разложения первобытнообщинного строя²¹. В сравнении с трудами, посвященными сходной тематике в отношении номадов Центральной Азии или Аравийского полуострова, таких исследований до сих пор очень немного.

Европейские и американские исследователи пришли к выводам, схожим с итогами советских исследований в области полигогенеза. Концепции, разработанные в рамках западной исследовательской традиции (в основном это англо-американская школа) стали в последнее время играть значительную роль в формировании направления российских исследований. При этом в последние десятилетия прошлого века большое распространение получила идея «много-

¹⁶ Там же. – С.274.

¹⁷ Плетнева С.А. От кочевий к городам. Салтово-маяцкая культура. - МИА. - №142. - М., 1967.

¹⁸ Плетнева С.А. Кочевники Средневековья. Поиски исторических закономерностей. - М., 1987.

¹⁹ Плетнева С.А. Закономерности развития кочевых обществ в эпоху средневековья // ВИА. – 1981. - №6. – С.50-51.

²⁰ Один из крайне редких отзывов см.: Голден П. Достижения и перспективы хазарских исследований // Хазары / Евреи и славяне. Т.16. М.; Иерусалим, 2005. – С.44.

²¹ Артамонов М.И. История хазар. - Л., 1962 (2-е изд.: СПб.: Издательство «Лань», 2001); Афанасьев Г.Е. Донские аланы. Социальные структуры алано-асского населения бассейна Среднего Дона. - М., 1993; Гадло А.В. Этносоциальные процессы на Северном Кавказе в свете археологических источников VIII - X вв. // Проблемы археологии и этнографии. - Вып. 3. - Историческая этнография. - Л., 1985; Гутнов Ф.Х. Ранние аланы. Проблемы этносоциальной истории. - Владикавказ, 2001; Гутнов Ф.Х. Социальная структура гуннов и алан в эпоху Великого переселения народов // Кавказский сборник. - Вып. 2 (34). - М., 2005. - С.32-84; Коровов Д.С. Социальная организация алан Северного Кавказа: IV-IX вв. н.э. - СПб., 2003; Михеев В.К. Экономика и социальные отношения у населения салтово-маяцкой культуры Подонья – Приазовья (середина VIII – середина X вв.) – Автореферат диссертации... канд. ист. наук. – Кисев, 1986, Новосельцев А.П. Хазарское государство и его роль в истории Восточной Европы и Кавказа. - М., 1990 и др.

линейности» социальной эволюции, в том числе путей политогенеза. Многие общества рассматриваются как способные лишь к ограниченному развитию без внутреннего вызревания государственных институтов²². Взгляд же на социально-политические процессы в регионе определяется результатами изучения кочевых и оседло-кочевых сообществ евразийских степей, куда традиции западной историографии относят и Юго-Восточную Европу, включая ее в понятие «Западной Евразии». Социально-политическая история народов евразийских степей детально изучается как ориенталистами²³, так и этнологами²⁴, и медиевистами-номадоведами²⁵.

В это теоретическое направление органично вписались идси А.М. Хазанова, на исходе советской эпохи эмигрировавшего из СССР в Великобританию. Его монография «Кочевники и внешний мир»²⁶ в последние десятилетия стала базой практически всех западных исследований кочевого мира Евразии.

Большинство исследователей полагает, что кочевое сообщество имеет объективно меньший потенциал в развитии экономики, недостаточный для формирования управленческих структур. Наиболее ярко точка зрения о невозможности формирования государства в произвольном кочевом обществе выражена в работах американских историков О. Латтимора и О. Прицака: общественный строй номадов неизменен в своем отсутствии государственных институтов, поскольку социальные противоречия внутри кочевого общества неразвиты. «Кочевые империи» создавались лишь в процессе экспансии, на которую призывал племена одаренный вождь. Без харизматического лидера такие образования нежизнеспособны²⁷. Именно в работах О. Прицака, а также Р. Козна и В. Айронса уделяется наибольшее внимание проблеме образования государства у кочевников вследствие завоевания ими оседлых, более развитых обществ²⁸. Сходной точки зрения придерживается Т. Барфилд²⁹. Имперские конфедерации кочевников, к которым относятся империя хунну, Тюркский каганат и держава монголов, Т. Барфилд характеризует как «государствоподобные», но не являющиеся государствами, поскольку внутри конфедерации сохранялась племенная коллективистская система³⁰. Концепция кочевого вожества, создаваемого только для взаимодействия с внешним миром, нашла отражение в оценке социального развития гуннов Восточной Европы. О. Мэнчен-

²² См., напр: *Klassen Х.Дж.М.* Проблемы, парадоксы и перспективы эволюционизма. – М., 2002.

²³ *Grousset R.* The Empire of the Steppes. A History of Central Asia. – New Brunswick, 1970; *Pritsak O.* Studies in Medieval Eurasian History. – L., 1981.

²⁴ *Black-Michaud J.* Sheep and Land: The Economics of Power in a Tribal Society. – Cambridge, 1986; *Rigby P.* Persistent Pastoralists. – L., 1985.

²⁵ *Kwanten L.* Imperial Nomads: A History of Central Asia, 500-1500. – Philadelphia, 1979.

²⁶ *Khazanov A.M.* Nomads and the Outside World. – Cambridge, 1984.

²⁷ См.: *Lattimore O.* On some questions of periodisation in nomadic history // Role of the Nomadic Peoples in the Civilization of Central Asia. – Ulan-Bator, 1974; *Pritsak O.* Studies in Medieval Eurasian History. – L., 1981.

²⁸ *Pritsak O.* Op. cit.; *Cohen R.* Evolution, Fission and the Early State // The Study of the State. The Hague, 1981; *Irons J.* Political Stratification among Pastoral Nomads // Pastoral Production and Society. – Cambridge; Paris, 1979. – P.362.

²⁹ *Barfield T.* The Hsiung-nu Imperial Confederation: Organization and Foreign Policy // Journal of Asian Studies. – 1981. – N 31/1. – P.47.

³⁰ *Barfield T.* The Perilous Frontier: Nomadic Empires and China, 221 BC to AD 1575. – Cambridge, 1992. – P.36-82.

Хэлфен в своей монографии высказывает мнение, что политическая структура европейских гуннов была создана с целью вымогания дани из Римской империи. Поскольку дань не есть организованная система налогообложения, держава Аттилы не являлась государством и развалилась после смерти правителя³¹.

Противоположная точка зрения не получила развития в мировой исторической науке. Заметную роль в формировании современного облика западной историографии вопроса сыграла лишь концепция Л. Крэдера, который придерживается мнения о доминировании внутренних предпосылок в политогенезе³². Развитие государственности у кочевников, по мнению Л. Крэдера, также вызвано внутренней эволюцией общества³³.

Таким образом, различных взглядах на степень развития властных структур у народов евразийских степей общим является мнение о взаимодействии с оседлым миром как главным факторе политогенеза кочевников. В исследовании конкретных же вопросов эта теоретическая база используется в особом преломлении. На протяжении XX в. наиболее интенсивно разрабатывался круг проблем, связанных с историей Хазарского каганата. Первым обобщающим трудом по истории хазар в мире стала монография американского востоковеда Д.М. Данлопа³⁴. В этой работе выдвинут был ряд положений, которые шли вразрез с основными тенденциями изучения политогенеза в обществе кочевников. Хазарский каганат считается развитым государством, «заслонившим» христианский мир от арабского завоевания³⁵. В 1960-1970-е гг. результаты исследований Д.М. Данлопа были опубликованы в ряде фундаментальных изданий, посвященных истории евреев и иудаизма³⁶, что отразило признание в англо-американской и израильской науке.

Достижения кочевников нашли отражение в трудах П.Б. Голдена³⁷, одного из немногих исследователей, ставящих вопрос о корректности применения термина «государство» к кочевым образованиям Юго-Восточной Европы³⁸. В степях Западной Евразии безгосударственность (в отличие от Центральной Азии) является, по П.Б. Голдену, нормой. Здесь происходит не возникновение государственности, а привнесение ее либо другими кочевниками, либо покоренными оседлыми народами. По мнению Голдена, все кочевники

³¹ *Maenchen-Helfen O.* The World of the Huns. – Berkeley, 1973. – P.191-199, 270-274.

³² *Krader L.* The Origin of the State among the Nomads of Asia // Pastoral Production and Society. – Cambridge; Paris, 1979. – P.221-223.

³³ *Ibid.* – P.231, 233.

³⁴ *Dunlop D.M.* The History of the Jewish Khazars. – Princeton, New Jersey, 1954.

³⁵ *Ibid.* – P.48.

³⁶ *Dunlop D.M.* The Khazars // The Dark Ages: Jews I Christian Europe, 711-1096. – New Brunswick, New Jersey, 1966. – P.325-356; *Idem.* Khazars // Encyclopedia Judaica. – V.10. – Jerusalem, 1971-1972. – P.945-954.

³⁷ *Golden P.B.* Khazar Studies. – V.1,2. – Budapest, 1980; *Golden P.B.* Imperial Ideology and the Sources of Political Unity Amongst the Pre-Cinggisid Nomads of Western Eurasia // АЕМАе. – Т.2. – 1982.

³⁸ *Голден П.Б.* Государство и государственность у хазар: власть хазарских каганов // Феномен восточного деспотизма: структура власти и управления. – М., 1993. – С.211.

Западной Евразии придерживались политических традиций, привнесенных Западно-Тюркским каганатом³⁹.

Другие зарубежные исследователи остаются в рамках традиции Д.М. Данлопа⁴⁰.

В последние десятилетия внимание к проблемам ранних государств Восточной Европы в западной науке несколько возрос. В 1981 г. в Висбадене (Германия) был выпущен первый том ежегодника «Archivum Eurasiae Medii Aevi», посвященного проблемам Северной Евразии эпохи средневековья. В течение уже четверти века в нем публикуются работы ведущих европейских и американских специалистов по этим вопросам⁴¹. Характер исследований изменился в сторону большей специализации. По-прежнему Хазарский каганат остается главным объектом исследований⁴², развивается углубленное изучение проблемы хазарского иудаизма, в результате которого увидели свет весьма интересные работы⁴³.

Таким образом, степень изученности проблемы в мировой историографии крайне невелика, однако накоплены существенные теоретические разработки, основанные на материале других регионов. Это предполагает возможность, при наличии достаточной источниковой базы, выявления особенностей и типологизация этносоциального и политического развития кочевников Западной Евразии I – начала II тыс. н.э.

Источниковой базой диссертации является широкий спектр разнородных данных, прежде всего, в письменных памятниках поздней античности и средневековья, сохранивших сведения о соприкосновении европейских кочевников с оседлыми цивилизациями, развитыми государствами и культурами: греко-римской (античной), византийской, лагиноязычной западноевропейской, армянской, грузинской, китайской, древнерусской, еврейской и арабско-персидской. В основном это труды географической, в том числе картографической традиции, в которых обычно даются сведения не только о локализации этносов и политических образований в системе пространственных координат, но и краткая характеристика народов и «государств». Также существенная доля сведений почерпнута из античных исторических сочинений и раннесредне-

³⁹ Golden P.B. Imperial Ideology and the Sources of Political Unity Amongst the Pre-Cinggisid Nomads of Western Eurasia. – P. 36-37; Golden P.B. Ethnicity and State Formation in Pre-Cinggisid Turkic Eurasia. - Bloomington, 2001; Golden P.B. Nomads and their Neighbours in the Russian Steppe. - Burlington etc., 2003.

⁴⁰ Golb N., Pritsak O. Khazarian Hebrew Documents of the Tenth Century. – Ithaca, L., 1982 (русское изд.: Голб Н., Пруцак О. Хазарско-еврейские документы X века. – М., Иерусалим, 1997); Pritsak O. Khazars // Dictionary of the Middle Ages. – Vol.7. – N.Y., 1986. – P.240-242; Idem. Khazaria // The Oxford Dictionary of Byzantium. – N.Y., 1991. – P.1126-1127.

⁴¹ Archivum Eurasiae Medii Aevi. - Vol.I - XIV. - Wiesbaden, 1981-2005. С 1990-х гг. в сборнике стали публиковаться и российские специалисты (см., напр.: Ромашов С.А. Болгарские племена Северного Причерноморья в V-VII вв. // АЕМАе. - Vol.VIII. - Weisbaden, 1994. – P.232-251; Ромашов С.А. Историческая география Хазарского каганата (V-XIII вв.) // АЕМАе. - Vol.XI- XIII. - Weisbaden, 2001-2003 и др.).

⁴² Pritsak O. The Origin of the Old Rus' Weights and Monetary System: Two Studies in Western Eurasian Metrology and Numismatics in the Seventh to Eleventh Centuries. – Cambridge (Mass.), 1998; Shake G. Coins of the Khazar Empire. – Allen, 2000; Kovalev R. What Does Historical Numismatics Suggest About the Monetary History of Khazaria in the Ninth Century? - Question Revisited // АЕМАе. Vol. XIII. – Wiesbaden, 2004. – P.97-129 и др.

⁴³ Brook K.A. The Jews of Khazaria. – Northvale, New Jersey, Jerusalem, 1999.

вековых хроник, в особенности из традиционно содержащихся в таких сочинениях историко-этнографических экскурсов. В исследуемую эпоху научная специализация находилась на весьма длительной стадии зарождения, которая характеризовалась как исследовательскими прорывами в периоды относительной стабильности (римская географическая литература I-II вв. н.э., географическая традиция эпохи «мусульманского Ренессанса» и др.⁴⁴), так и резким откатом назад в кризисные и переходные времена (латиноязычная историко-географическая литература раннего средневековья и др.⁴⁵). Ранние географические сочинения представляют собой по сути «космографии», своеобразные философско-энциклопедические системы – «образы мира»⁴⁶. Поэтому данные источники не вписываются четко в традиционные системы типологической классификации, представляя собой синкретическое единство различных более поздних видов источников.

Узловыми проблемами работы с такими источниками является, во-первых, установление достоверности отражения источниками действительности, во-вторых, выявление и верификация «скрытой» информации, которой очень много в древних и раннесредневековых сочинениях историко-географического характера, содержащих пласты сведений, которые могут отстоять одно от другого на столетия, а могут датироваться и непосредственно эпохой автора произведения. Единственно возможной линией источниковедческой критики в данном случае является путь системного подхода и структурного анализа, при котором общественно-историческая система, породившая конкретный источник, рассматривается как структура с определенными взаимосвязями и внутренней эволюцией, которая известна и по источникам других категорий⁴⁷ (в данном случае это и данные материальной культуры, и реальные объекты физической географии, и многое другое). Этим обусловлена сложность интерпретации подобных источников, необходимость известной осторожности в выводах. С введением в научный оборот новых археологических материалов, например, проблема достоверности и датировки тех или иных локализаций, историко-этнографических сведений письменного источника может решаться совершенно иначе, чем прежде.

Большая часть информации о раннесредневековых номадах Западной Евразии сохранилась в хрониках и географической литературе Арабского халифата и его политических и культурных наследников. Это связано с геополитической близостью двух регионов, с наличием древних торговых путей, проходящих по степи, что предполагало постоянные контакты. В произведениях традиций ал-Джайхани и ал-Балхи, сочинениях Ибн Йакуба, ал-Масуди, ано-

⁴⁴ Подосинов А.В. Восточная Европа в римской картографической традиции. Тексты, перевод, комментарий. – М., 2002. – С.12-26; Крачковский М.Ю. Арабская географическая литература. – М., 2004. – С.15-24; Мец А. Мусульманский Ренессанс. – М., 1996. – С.264-268.

⁴⁵ Чехин Л.С. Картография христианского средневековья. VIII-XIII вв. Тексты, перевод, комментарий. – М., 1999. – С.8-22.

⁴⁶ Мельникова Е.А. Образ мира. Географические представления в средневековой Европе. – М., 1998. – С.5.

⁴⁷ Ковальченко И.Д. Методы исторического исследования. 2-е изд., доп. М., 2003. – С.139-140.

нимных трудах «Ахбар аз-заман» и «Худуд ал-алам», хрониках ат-Табари, ал-Куфи и др. представлены подробные этнографические описания не только Хазарского каганата, но болгар, мадьяр, а также очень многих других кочевых племен (униогундулов, бурджан и др.), вошедших в ранние государства Европы. Сведения арабо-персидских источников настолько ценны, мало исследованы и сложны для трактовки, что возникла необходимость подробной их характеристики и источниковедческой критики⁴⁸.

В исследовании используются оригинальные арабские тексты, многие из которых не введены в научный оборот в отечественной историографии. Переводы текстов, сделанные для диссертационного исследования, выполнены по критическим изданиям, по возможности новейшим. Со многими арабскими изданиями я имела возможность ознакомиться в библиотеках Иорданского государственного университета (Амман, Иордания) и Саудовской академии в Москве⁴⁹. Кроме того, использованы материалы почти всех томов «Библиотеки арабских географов» (*Bibliotheca geographorum arabicorum*)⁵⁰, осуществленного голландским востоковедом Де Гуге в 1870-х – 1890-х гг. и до сих пор не имеющего аналогов в мире и не переведенного на русский язык; а также отдельные критические издания⁵¹. Персидские источники использовались в критических переводах, осуществленных западноевропейскими специалистами⁵².

⁴⁸ Данной теме посвящена Глава 4 диссертации «Тосударства» и народы Юго-Восточной Европы на этнополитической карте VII-IX вв., в которой рассматривается этнополитическая карта региона в письменной традиции.

⁴⁹ *Абу ал-Фарадж*. Та'рих мукхтасар ли-д-дувал. – Бейрут, 1890; *Ал-Балазури*, *Ахмад б. Йахья*. *Китаб Футух ал-булдан*. – Ал-Кахира, 1958; *Ал-Кахира*. *Ал-Мунтазам фи та'рих ал-мулк ва-л-умам*. Та'лиф Аби-л-Фарадж 'Абд-ар-Рахман бин 'Али Ибн ал-Джасани. – Дж.1-10. – Хайдарабад, 1359; *Йакут ал-Хамави*. *Муджма ал-булдан*. – В 7 тт. – Бейрут: Дар Садиr, 1996; *Ал-Куфи*, *Абу Мухаммад Ахмад ибн А'сам*. *Ал-Футух*. Т. 4. Ч. 7-8. – Бейрут: Дар ал-Кулуб ал-Ильмиyyа, 1406/1986; *Ал-Мас'уди*. *Мурудж аз-захаб ва ма'адин ал-джавхар*. – Т. 1, 2. – Бейрут, 1987; Та'рих ат-Табари. Та'рих ал-умам ва-л-мулк ли-Аби Джа'фар бин Джарир ат-Табари. В 6-ти тт. – Бейрут: Дар Садиr, 2003; *Халифа ибн Хаййат ал-Усфури*. Та'рих Акрам Дийа ал-Умари. – Ан-Наджаф, 1386/1967.

⁵⁰ *Compendium libri Kitab al-Boldan auctore Ibn al-Fakih al-Hamadani*. Ed. M.J. de Goeje. – Leiden, 1885 (BGA. – V); *Descriptio imperii moslemici auctore Schemo'd-din Abu Abdallah Mohammed ibn Ahmed ab Bekr al-Banna al-Basschari al-Mocaddasi*. Ed. M.J. de Goeje. – Leiden, 1906 (BGA. – III); *Kitab al-'ak an-nafisa VII auctore Abu Ali Ahmed ibn Omar Ibn Rosteh*. – Leiden, 1892 (BGA. – VII); *Kitab al-Masalik wa'l-Mamalik (Liber viarum et regnum) auctore Abu'l Kasim Obaidallah Ibn Abdallah Ibn Khordadbeh et Excerpta e Kitab al-Kharadj auctore Kodama Ibn Dja'far*. Lugduni Batavorum, 1889 (BGA. – VI); *Kitab at-tanbih wa'l-ischraf auctore al-Masudi / M.J. de Goeje*. – Leiden, 1894 (BGA. – VIII); *Opus geographicum auctore Ibn Haukal*. – Leiden, 1872 (BGA. – II); *Opus geographicum auctore Ibn Hawkal / Ed. J.H. Kramers*. – Leiden, 1967 (BGA. – II-2); *Via Regnorum. Descriptio ditionis moslemicae auctore Abu Ishak al-Farisi al-Istakfiri / M.J. de Goeje*. – Leiden, 1870 (BGA. – I).

⁵¹ *Géographie d'Aboulféda*. Text arabe publié d'après les manuscrits de Paris et de Leyde aux frais de la Société Asiatique par M. Reinaud et Mac Guckin de Slane. – Paris, 1840; *Al-Battani sive Albatenii Opus Astronomicum*. Arabice ed., Latine versum, adnotationibus instructum a C.A. Nallino. P.1. – Mediolani, 1899; *Cosmographie de Chems-ed-din Abou Abdallah Mohammed ed-Dimichqui / Text, pub. Par A.F.Mehren*. – SPb., 1866; *Ibn Wadhhih qui dicitur al-Ja'qubi*. *Historiae / Ed. M. Th. Houtsma*. – Lugduni Batavorum, 1883. – Т.1-2; *[Ibn Haukal] Kitab Surat al-ard*. Secundum textum et imagines codicis Constantinopolitani ed. J.H. Kramers. Facs. I-II. – Leiden, 1938-1939; *Ibn-el Athire chronicon, quod perfectissimum inscribitur / Ed. C.T. Tornberg*. – 14 Bde. – Lugdunum Batavorum, 1851-1876; *Al-Idrisi*. *Opus geographicum sive Liber ad eorum delectationem qui terras peragrare student*. Consilio et auctoritate E. Cerulli, F.Gabrieli, G. Levi Della Vida, L. Petech, G. Tucci. Una cum aliis ed. A. Bombaci. U. Rizzitiano, R. Rubinnacci, L. Vecchia Vaglieri. Facs.I-IX. – Neapoli-Romae, 1970-1984; *Al-Katib al-Khowarezmī*. *Abu Abdallah Mohammed ibn Ahmed ibn Jusuf, Liber A'afatih al-Ojum explicans Vocabula technica scientiarum/Ed. J. Van Vioten*. – Lugduni Batavorum, 1895; *Das Kitab 'aga'ib al-aqalim as-sab'a des Suhrab*. Hrsg. V. H. Mzik. – Vienna, 1929; *Kitab al-Futuh by Abu-Muhammad Ahmad Ibn A'tham al-Kufi* (d. about 314 A.H./926 A.D.)/Ed. by 'Abdu'l

Кроме этих источников, данные которых используются на протяжении всего исследования, для работы над проблемами истории кочевников поздней античности широко привлекаются античные и ранневизантийские письменные памятники. Локализация Аланского союза и его этносоциальная реконструкция основаны на данных «Географии» Страбона (I в. н.э.), «Естественной истории» Плиния Старшего (I в. н.э.), на карте Клавдия Птолемея (II в. н.э.), *Res Gestae* Аммиана Марцеллина (IV в. н.э.)⁵³, дополненных информацией из трудов Марка Аннея Лукана, Иосифа Флавия, Флавия Вописка Сиракузского, Требеллия Поллиона, Тацита, Евсевия Иеронима, Эвнэпия Сардийца⁵⁴. Для характеристики азиатского периода истории североиранских племен привлекается китайская хроника Хань Шу в переводе на английский язык Дж. Хилла⁵⁵.

Те же *Res Gestae*, Евсевий Иероним, Эвнэпий, а также сочинение Иордана «О происхождении и деянии гетов» (закончено в 551 г.) являются ценнейшими источниками по миграциям эпохи Великого переселения народов, проблеме черняховской культуры и «государства Германариха» в Причерноморье, этносоциальной и политической структуре Гуннского союза⁵⁶.

Исследование этнической истории и социальной структуры позднего гуннского этноса Восточной Европы после краха державы Атилы, проблемы аварского и тюркского влияния, становления и распада Великой Булгарии происходит прежде всего на основе византийских хроник (Прокопия Кесарийского, Феофилакта Симокатты, Феофана Исповедника, патриарха Никифора, Менаандра, Агафия, Георгия Писиды, а также Стратегикон Маврикия)⁵⁷, с пи-

Mu'aid Khan, Sayid 'Abdu'l Wahhab Bukhari. – V.2. – Hyderabad, 1389/1969; Das Kitab Surat al-Ard des Abu Ga'far Muhammad Ibn Musa al-Huwairimi / Hrsg. Von H.v. Mzik. Leipzig, 1926; Liber expugnationis regionum auctore Imamo Ahmed ibn Jahja ibn Djibir al-Beladrosi' Ed. M.J. de Goeje. – Leiden: Brill, 1865; Das Mongolische Weltreich. *Al-Utmaro's* Darstellung der mongolischen Reiche in seinem Werk Masalik al-absar fo mamalik al-amsar. Hg. V.K. Lech. Wiesbaden, 1968; Le Tablelle geographische d'*Al-Battani*. Trad. Ed ann. dal Proff. C.A.Nallino. – Torino, 1898; *Al-Tha'alibi, Abou Mansur 'Abd al-Malik ibn Mohammad ibn Isma'ul*. Histoire des Rois des Perse / Texte arabe publié et traduit par H. Zotenberg. – Paris, 1890; *Tria opuscula auctore Abu Othman Amr idn Bahr al-Djahiz Basrensi*. Quae edidit G. van. Vioten. — Lugduni Batavorum, 1903.

⁵³ Hudud al-'Alam. The Regions of the World. A Persian Geography 372 a.h. – 982 a.d./ Transl. by V. Minorsky. E.J.W. Gibb Memorial Series. – New Series, XI. – London, 1970; *Gardizi*. Zain al-Akhar // *Martinez P.* Gardizi's two chapters on the Turks // *AEMAE*. – T.2. – Wiesbaden, 1982.

⁵⁴ *Страбон*. География в 17 книгax / Перевод, статья и комментарии Г.А. Стратановского. Под общей редакцией проф. С.Л. Утченко. – М., 1994; *Клавдий Птолемей*. Географическое руководство // ВДИ. – 1948. – №2; *Гай Плиний Секунд*. Естественная история // ВДИ. – 1949. – №2; *Аммиан Марцеллин*. Римская история (*Res Gestae*). – СПб., 2000.

⁵⁴ *Иосиф Флавий*. Иудейская война / Подг. текста, предисл. и примеч. К.А. Ревяко, В.А. Федосика. – Минск, 1991; *Тацит, Корнелий*. Сочинения в двух томах. Т.1. *Анналы*. Малые произведения. Т.2. *История*. – СПб., 1993; *Флавий Вописк Сиракузский*. Божественный Аврелиан // ВДИ. – 1959. – №4; *Требеллий Поллион*. Божественный Клавдий // *Scythica et Caucasia*. Известия древних писателей греческих и латинских о Скифии и Кавказе / Собрал и издал с русским переводом В.В. Латышев. – Т.2. – Ч.2. – СПб., 1906; *Эвнэпий Сардийца*. Продолжение истории Дексиптошовой // *Византийские историки*. – Рязань, 2003; *Лукан, Марк Анней*. О гражданской войне десять книг // ВДИ. – 1949. – №2; *Евсевий Иероним*. Письмо 77. К океану // Кавказ и Дон в произведениях античных авторов. – Ростов-на-Дону, 1990.

⁵⁵ The Western Regions according to the *Hou Hanshu*. The *Xiyu juyan* «Chapter on the Western Regions» from *Hou Hanshu* 88 / Transl. by J.E. Hill // http://depts.washington.edu/uwcb/silkroad/texts/hshsh/hou_han_shu.html

⁵⁶ *Иордан*. О происхождении и деяниях гетов. – СПб., 1997.

⁵⁷ *Агафий*. О царствовании Юстиниана. – Л., 1953; *Георгий Писида*. Аварская война // Свод древнейших письменных известий о славянах. – Т. II (VII-IX вв.). – М.: Восточная литература, 1995; *Менаандр*. Продолжение

роким привлечением закавказских источников IV-VII вв. – сочинений армянских хронистов и историков Мовсеса Хоренаци, Анания Ширакаци, Мовсеса Каланкатуаци, Себеоса, Вардана Великого, и грузинской хроники Леонтия Мровели⁵⁸. Привлекается также единственный латиноязычный источник, в котором сохранилось описание этносов Юго-Восточной Европы и Кавказа, относящийся к этому периоду, – т.н. «Космография» Равеннского анонима⁵⁹. Для воссоздания ранней истории булгар привлекаются латиноязычные европейские хроники – «История лангобардов» Павла Диакона и моравские хроники⁶⁰.

Закавказские сочинения вместе с арабскими хрониками и сочинениями Феофана Исповедника и патриарха Никифора являются основными источниками по ранней истории хазар и Хазарского каганата эпохи становления.

Этносоциальная структура, территория и политическая история Хазарского каганата VIII-IX в., а также его главного антагониста в Юго-Восточной Европе, раннего государства русов с хаканом во главе, изучается по данным арабо-персидской географической литературы (прежде всего т.н. традиций ал-Джайхани, ал-Балхи), иудео-хазарских источников (ответ хазарского царя Иосифа андалусскому чиновнику Хасдан ибн Шафруту в краткой и пространной редакциях, «Таблица народов» Иосиппона, книга Эльдада га-Дани)⁶¹. Используются и фрагментарные, случайные сообщения западных хроник – Бертинских анналов и Салернской хроники⁶². Важные данные, особенно в отношении хазарской политики в Северном Причерноморье, содержат византийские сочинения, от исторических хроник до житийной литературы и политических трактатов

истории Агафиевой // Византийские историки. – Рязань, 2003; *Никифор, патриарх*. Бревниарий // *Чичуров И.С.* Византийские исторические сочинения: «Хронография» Феофана, «Бревниарий» Никифора (тексты, перевод, комментарий). – М., 1980; *Проклтий Кесарийский*. Война с готами. – М., 1996; *Проклтий Кесарийский*. Война с персами. Война с вандалами. Тайная история. / Пер. с греч., вступит. статья, комм. А.А. Чекаловой. – СПб., 1998; Стратегикон Мааврикия / Изд. подг. В.В. Кучма. – СПб., 2004; *Феофан Исповедник*. Хронография // *Чичуров И.С.* Византийские исторические сочинения: «Хронография» Феофана, «Бревниарий» Никифора (тексты, перевод, комментарий). – М., 1980; *Феофилакт Симокатта*. История / Пер. С.П. Кондратьева. – М., 1996.

⁵⁸ Армянская география VII в. // *Патканов П.К.* Из нового списка армянской географии, приписываемой Моисею Хоренскому // *ЖМШП* – 1883. – №3; [*Вардан Великий*.] Всеобщая история Вардана Великого. – М., 1861; [*Левонд*.] – История халифов вардапета Гевонда, писателя VIII в. / Пер. с армянского К. Патканьяна. – СПб., 1862; *Мовсес Каланкатуаци*. История страны Алуанк / Пер. Г. Смбтиана. – Ереван, 1984; [*Моисей Каланкатуаци*.] История авган Моисея Каланкатуаци, писателя X в. / Пер. К. Патканова. – СПб., 1861; *Мовсес Хоренаци*. История Армении / Пер. с древнеарм., прим. Г. Саркисяна. – Ереван, 1990; [*Моисей Хоренский*.] История Армении Моисея Хоренского / Пер. с древнеармянского Н. Эмина. – СПб., 1893; [*Себеос*.] История императора Иракла, сочинение епископа Себеоса, писателя VII в. / Пер. с армянского К. Патканьяна. – СПб., 1862; *Ananias of Sirak*. The Geography: the Long and the Short Recensions / Introduction, Translation, Commentary by R.H. Newsen. – Wiesbaden, 1992; *Мровели Леонти*. Жизнь карглийских царей. Извлечение сведений об абхазах, народах Северного Кавказа и Дагестана / Пер. с древнегруз., предисловие и комментарии Г.В. Дулая. – М., 1979.

⁵⁹ *Равенский Аноним*. Космография / *Подосинов А.В.* Северо-Восточная Европа в «Космографии» Равенского Анонима // Восточная Европа в исторической ретроспективе. – М., 1999.

⁶⁰ *Paulus Diaconus*. Historia Langobardorum. 1. /Ed. Waitz G. – Hannover, 1878; Magna Moraviae Fontes Historici. V.1 (Annales et chronicae). – Прага-Винна, 1966.

⁶¹ Ответ хазарского царя Иосифа к Хасдан ибн Шафруту // *Кокковцов П.К.* Еврейско-хазарская переписка в X в. – Л., 1932; *Иосиппон*. Таблица народов // *Петрухин В.Я.* Начало этнокультурной истории Руси. – М., 1996; [*Эльдад га-Дани*.] Книга Эльдада Данита // Три еврейских путешественника. – Иерусалим; М., 2004.

⁶² *Annales Bertiniani*: Annales de Saint-Bertin. – Paris, 1964; *Chronica Salernitanum* / U. Westerbergh. – Stockholm, 1956 / Studia latina. T.3.

татов⁶³. Для исследования вопроса о религиозных реформах в Хазарии используется и Житие св. Кирилла⁶⁴.

Поздняя история Хазарского каганата (1-я пол. X в.), проблемы миграций и общественного строя кочевников южнорусских степей реконструируются на основе арабо-персидских исторических и географических сочинений X-XV вв., древнерусских летописных сводов (прежде всего Лаврентьевской, Ипатьевской, Никоновской летописей⁶⁵), византийских хроник⁶⁶.

По некоторым частным вопросам привлекаются и данные других письменных памятников.

Особенности критики каждого письменного источника, проблема достоверности будут рассмотрены непосредственно в разделах, где используются эти данные, поскольку каждый из этих источников «многослоен», наполнен разновременной информацией, датировать и верифицировать которую возможно только в диалектическом единстве с другими материалами по каждой из проблем.

Вторая крупная категория источников, необходимых для решения поставленных вопросов, — материалы археологических культур конца I тыс. до н.э. — начала II тыс. н.э. степей и лесостепей Подонья и Поднепровья, Северного Причерноморья, Приазовья, Нижнего и Среднего Поволжья, низиний Прикаспия и предгорий Кавказа. История проведения систематизированных раскопок и археологического изучения этого региона насчитывает более столетия. Выделено более десяти археологических культур⁶⁷. Данные одних археологических культур насчитывают десятки тысяч находок, обобщенных в монографических исследованиях (таковы черняховская, салтово-маяцкая культуры)⁶⁸,

⁶³ Житие Георгия Амастридского // *Васильевский В.Г.* Труды. — В 4-х тт. — Т III. — Пг., 1915; Житие преподобного отца нашего Иоанна, епископа Готий // Записки Одесского общества истории и древностей. — 1883. — Т. 13; Житие Стефана Сурожского // *Васильевский В.Г.* Труды. — В 4-х тт. — Т III. — Пг., 1915; *Константин Багрянородный*. Об управлении империей. — М., 1989; *Продолжатель Феофана*. Жизнеописание византийских царей. / Пер., статьи, комм. Я.Н. Любарского — СПб., 1992.

⁶⁴ Житие Константина // *Флоря Б.Н.* Сказания о начале славянской письменности. — СПб., 2004.

⁶⁵ Лаврентьевская летопись / ПСРЛ. — Т. I. — М.: Языки русской культуры, 1997; Ипатьевская летопись / ПСРЛ. Т. II. М., 1998; Никоновская летопись / ПСРЛ. Т. IX-X. М., 2000.

⁶⁶ *Лев Диакон*. История. — М., 1988; *Михаил Пселл*. Хронография. — М., 1978; *Иоанн Киннам*. История // *Бибиков М.В.* Византийский историк Иоанн Киннам о Руси и народах Восточной Европы. — М., 1998; *[Анна Комнина]* Сокращенное сказание о делах царя Алексея Комнина (1081-1118). Труд Анны Комниной. — СПб., 1859.

⁶⁷ См.: Этнокультурная карта территории Украинской ССР в I тыс. н.э. — Киев, 1985.

⁶⁸ Напр.: *Баран В.Д.* Черняховская культура: За материалами Верхнего Днестра I Західного Бугу. — Київ, 1981; *Гудкова А.В.* I-IV вв. в Северо-Западном Причерноморье; *Магомедов Б.В.* Черняховская культура. Проблема этноса. — Lublin, 2001; *Никитина Г.Ф.* Анализ археологических источников могильника черняховской культуры у села Оселивка. — М., 1995; *Никитина Г.Ф.* Могильники черняховской культуры в Северной Буковине и Бессарабии. — М., 1996; *Артамонов М.И.* Саркел и некоторые другие укрепления северо-западной Хазарии // *СА. — Вып. VI.* — М., 1940; *Артамонов М.И.* История хазар. — СПб., 2001; *Афанасьев Г.Е.* Население лесостепной зоны бассейна Среднего Дона в VIII-X вв. (аванский вариант салтово-маяцкой культуры) / АОН. — Вып.2. — М., 1987; *Ляпушкин И.И.* Памятники салтовской культуры в бассейне р. Дона // МИА. — №62. — М., 1958; *Мерперт Н.Я.* «Верхнее Салтово» (Салтовская культура). Автореферат дисс. ... канд. ист. наук. — М.; Л., 1949; *Плетнева С.А.* От кочевий к городам. Салтово-маяцкая культура. — МИА. — №142. — М., 1967; *Плетнева С.А.* На славяно-хазарском пограничье. Дмитриевский археологический комплекс. — М., 1989; *Плетнева С.А.* Очерки хазарской археологии. — М., 2000; Иерусалим, 5760; *Флеров В.С.* Лопсенья керамика салтово-маяцкой культуры как исторический источник. Автореферат дисс. ... канд. ист. наук. — М., 1981 — и мн. др.

другие пока ограничиваются несколькими сотнями («культура курганов с рывиками», сивашевская группа и др.)⁶⁹. В каждом случае вопрос о репрезентативности данных будет рассматриваться в соответствующем разделе, в комплексе с другими категориями источников. Надо отметить, что данные археологии используются «на стыке наук», т.е. на основании опубликованных материалов, прошедших через значительный объем «внутренних» исследований, проведенных специалистами-археологами, в результате которых первичные наблюдения археологических памятников становятся непосредственно источником фактов⁷⁰.

Поскольку этносоциальная история и политическая эволюция восточноевропейских кочевников рассматривается на достаточно широком сравнительно-историческом фоне, используются дополнительные данные по истории сообществ номадов Средней и Центральной Азии, изредка – Ближнего Востока и Северной Африки.

Кроме того, к работе над темой привлечены этнографические описания северокавказских и степных народов, этногенетические предания венгров, кавказский эпос «Нарты», и ряд других источников, включая материалы нумизматики, эпиграфики, топонимики и этнонимики.

В целом исследование и сравнительный анализ этих разнообразных источников позволил определить круг поставленных диссертацией задач и в преимущественной степени способствовал их раскрытию и решению.

Научная новизна и теоретическая значимость исследования состоит в том, что впервые на основе комплексного рассмотрения наиболее полного на этот момент круга письменных источников и данных археологии, лингвистики, антропологии, нумизматики, эпиграфики предпринимается попытка нового прочтения истории Юго-Восточной Европы I тысячелетия – начала II тысячелетия н.э. Критический подход к анализу источников и литературы позволил расстаться с рядом стереотипов, долгое время существовавших в интерпретации сведений о номадах Западной Евразии, впервые выделить и обосновать две этнокультурные традиции: североиранскую и гунно-сарматскую, доминировавшие в степной и лесостепной зоне на протяжении почти тысячи лет, взаимосвязанные и конкурировавшие между собой. Истоки их восходят к миграционным потокам среднесарматской и гуннской эпохи. В каждое крупное политическое образование I тыс. н.э. входили племена, представлявшие ту и другую традиции. Но форма политической организации и, следовательно, эволюция конкретного племенного союза или протогосударства зависели от этноса, возглавлявшего данное объединение, и его исторического опыта. Автор выдвигает новую, теоретически обоснованную и фундированную источниками концепцию этнополитической истории раннесредневековых номадов Евразии. Кроме того, многие данные письменных источников либо впервые вводятся в

⁶⁹ Флерова В.Е. Подкурганые погребения восточноевропейских степей и пути сложения культуры Хазарии // *Степи Европы в эпоху средневековья. – Т.2. – Хазарское время. – Донецк, 2001.*

⁷⁰ Мартынов А.И., Шер Я.А. Методы археологического исследования. – М., 2002. – С.219-220.

научный оборот, либо не рассматривались ранее в контексте поставленных проблем; впервые обосновывается локализация некоторых этнополитических объединений Юго-Восточной Европы раннего средневековья.

Практическая значимость исследования определяется тем, что полученные результаты могут быть использованы для дальнейшей разработки теоретических проблем номадоведения, а также для написания конкретно-исторических трудов по истории раннесредневековой Восточной Европы и Древней Руси, источниковедению отечественной истории и восточному историческому источниковедению. Также результаты работы могут использоваться при разработке общих лекционных и специальных курсов по истории России и археологии, а также учтены при составлении программ для средней школы.

Апробация работы. Основные положения диссертации получили апробацию в научных публикациях автора, а также в его выступлениях в международных, всероссийских, межвузовских конференциях, симпозиумах, круглых столах (в ИВИ РАН, РУДН, Дипломатической Академии МИД РФ, МПГУ, РГУ, ЯрГУ), а также в публичных лекциях, научно-публицистических и научно-методических публикациях.

Структура диссертации. Диссертация состоит из введения, семи глав, заключения, списка сокращений, списка источников и литературы.

ОСНОВНОЕ СОДЕРЖАНИЕ РАБОТЫ

Во введении обоснована актуальность, научная значимость темы диссертации, хронологические и пространственные рамки темы исследования, формулируются его цели и задачи, характеризуется методология диссертации, содержится обзор научной литературы и источниковедческая справка.

В первой главе «Этническая история и потестарная организация кочевых этносов сармато-аланского происхождения 1-х вв. н.э.» рассматриваются проблемы этнического взаимодействия и становления общественных и властных институтов в сообществах на кочевой основе в Юго-Восточной Европе эпохи поздней античности.

Многие этнополитические объединения сарматской и аланской миграционных волн формировались уже на территории Юго-Восточной Европы. За полтысячелетия в ходе взаимодействия хозяйственно-культурных типов степных скотоводов (мигрантов из Азии разных потоков) и местного земледельческого населения лесостепи и предгорий сложилась уникальная историко-культурная область на территории от Предкавказья и Нижнего Поволжья до Нижнего и Среднего Поднепровья.

Степи Восточной Европы под властью Аланского союза были мирной территорией, и опасности завоевания с чьей-либо стороны не было. Эти земли были вне сферы римских интересов, а от незваных гостей из Азии долгое время охранял «сюзерен» - среднеазиатское царство Кангюй. Оседание, равно как и смешение с оседлыми населением (этнически родственным, из предыдущих

миграционных потоков) не отторгалось культурными традициями североиранских кочевников.

Структура Аланского союза, очерченная античными авторами, а также наличие на территории союза протогородов позволяют определить его как суперсложное вождество, прообраз раннегосударственного общества. Аланский союз функционировал вне прямой зависимости от внешней эксплуатации оседло-земледельческих цивилизаций. Аланы регулярно принимали участие в набегах на Римскую империю, но верхушка союза существовала, прежде всего, за счет контроля над торговыми путями, внутреннего развития земледелия, скотоводства и ремесла, данничества.

Этническая миксация в этом образовании проходила медленно и районировано, между мелкими, периферийными группировками. Видимо, таким образом происходило в Северном Причерноморье становление этноса роксолан. Крупные племенные союзы, такие как аланы или аорсы, были сравнительно монолитны. Причем вхождение соседних племен в этнополитический союз неизбежно с течением времени приводило к восприятию ими обряда погребения доминирующего этноса (пример аорсов показывает, что для этого требовалось около полутора веков). Среди многочисленных племенных групп и союзов весьма четко можно выделить те, что являлись этносами (унифицированная культура, обряд погребения), с одной стороны, и, с другой, т.н. «предэтность» – ведущие общее хозяйство осколки погибших племенных союзов.

Античные источники не смешивают сарматов и алан. О разном происхождении племен этих двух миграционных волн свидетельствуют и археологические материалы, и антропология. Внутри второго потока также можно говорить о четкой этнической дифференциации и самоидентификации племен.

Кроме того, на протяжении последних веков до н.э. – первых веков н.э. из Средней Азии приходили небольшие группы мигрантов, независимые от крупных племенных союзов. Если в степной зоне они, как правило, весьма быстро ассимилировались, то в предгорьях Кавказа сохраняли свои традиции. Таковы были жители Центрального и Западного Предкавказья, оставившие грунтовые катакомбы.

Взаимодействие североиранских кочевников с оседлыми земледельцами в другой зоне – лесостепи Поднепровья – показывает пример зарубинецкой культуры. В конце I в. до н.э. территория зарубинецкой культуры была завоевана сарматами, которых незадолго до этого вытеснили из Волго-Донских степей аланы. В течение века после завоевания сарматы и зарубинцы мирно сосуществуют и никакого упадка культуры земледельцев не происходит. Напротив, многолетняя мирная жизнь, экономический симбиоз с номадами приводит достаточно развитое общество зарубинцев к социальному расслоению, выделению малой семьи как экономической единицы из общины. Такие изменения во все времена сопровождаются социальными конфликтами, которые имели место и на рубеже I-II вв. н.э. в Поднепровье. Однако это оседло-кочевое общество не сформировало силовых рычагов для остановки конфликта. Зару-

бинеекая культура распалась, а ее территорию заняли разрозненные сарматские группы.

Во второй главе «Великое переселение народов: этносоциальное взаимодействие» рассматриваются миграционные потоки, этнические процессы и трансформации этнополитических объединений степей Юго-Восточной Европы в эту кризисную эпоху, выявляется ее роль в дальнейшей эволюции этнических групп и политий.

Начало Великого переселения в Юго-Восточной Европе связывается с формированием черняховской культуры, которую связывают с Готским союзом⁷¹. Но с появлением «черняховцев» существенного переворота на этих землях не произошло. Черняховский феномен мог состояться только в условиях постоянного мира с восточными соседями. Археологические материалы доказывают постоянные контакты черняховцев с Алапским союзом, вместе с письменными данными демонстрируют многочисленные совместные военные операции. Показателен симбиоз земледельцев и скотоводов на территории самой черняховской культуры. Причем на этих землях появляются новые группы, связанные с аланами и близкими к ним этносами. Эти тесные связи, а не «Остготское государство», существование которого не подтверждается, обезопасили черняховцев и дали импульс для ускоренного развития. Черняховская общность конца IV в. могла трансформироваться в государство, и готский вождь Германарих сделал первый шаг на этом пути. Но полиэтничные носители черняховской культуры не достигли того уровня социального расслоения, когда государственность возникает из внутренних предпосылок. Внешнего стимула политического объединения тоже долго не было, а объединение части племен Германарихом непосредственно перед гуннским нашествием не имело шансов на долговременный успех. Между тем, и «внегосударственная» черняховская общность, связанная постоянными торговыми, культурными контактами и общими военными интересами, стала процветающей.

Гуннское нашествие уничтожило и черняховцев, и Аланский союз. Объединение под властью гуннов, являвшееся суперсложным вождеством, строилось на принципах, столетиями отработанных кочевниками Центральной Азии в отношении с покоренными народами и Ханьским Китаем. Главным источником его существования стала внешняя эксплуатация Римской империи. Награбленное богатство раздавалосьномадам, внутреннее налогообложение отсутствовало. Реформы, проводившиеся его вождями и направленные на формирование военно-административного аппарата, продиктованы были внешней целью и не имели объективных внутренних причин. В начале V в. система власти уже была замкнута на одном царском роде. Дальнейшее форсирование преобразований Атилой, его постоянные конфликты с родственниками, воспринимавшимися гуннами и международным сообществом как царский род, все это дестабилизировало непрочную структуру союза. Поэтому владычество Гуннского союза было ярким, но не долгим. Политическое объединение после

⁷¹ Щукин М.Б. Готский путь (готы, Рим и черняховская культура). СПб., 2005.

смерти Атиллы (453 г.) прекратило свое существование. В результате возникших усобиц часть племен Гуннского союза вынуждена была вернуться в степи Юго-Восточной Европы. Возвращались «на историческую родину» в основном участники Гуннского союза, не нашедшие места среди федератов Римской империи, - уже новые этнополитические объединения и этносы, воспринявшие элементы различных культурных традиций, в числе которых была и память о Северном Причерноморье как благодатной и счастливой земле. Среди этих групп были носители и старой североиранской этнокультурной традиции, и новой - гунно-сарматской. Именно на этих двух основах и будут структурированы все объединения кочевников Юго-Восточной Европы 2-й пол. I тыс. н.э.

Третья глава «Степные наследники Великого переселения: этногенез и политические традиции» посвящена взаимодействию «позднегуннских» этнических групп в процессе создания ими новых политических объединений после распада Гуннского союза.

К началу VII в. в степях Юго-Восточной Европы существовало много объединений позднегуннских племен (булгары, савиры, акациры, барсилы и др.). Их племенные союзы объединялись для военных предприятий и снова распадалась. Большинство из них были родственны тюркам на прототюркском этапе, однако их этногенез связан не с экспансией в Восточную Европу Первого Тюркского каганата в 3-й четв. VI в., а с гуннскими миграционными потоками. Но влияние Тюркских каганатов на культуру кочевников и полукочевников Восточной Европы, как материальную, так и политическую, было немалым. Грандиозные успехи тюркского оружия способствовали тому, что по всей Северной Евразии элита не только покоренных тюрками, но и сохранивших независимость народов стала ориентироваться на образцы древнетюркской военно-дружинной культуры. Это внешнее единство послужило впоследствии основанием для сторонних наблюдателей из исламского мира относить потом к тюркам и народы, которые стали принадлежать к древнетюркскому миру в силу степной моды.

В противоборствах номадов победители практиковали насильственное разъединение родовых групп побежденных, чтобы сородичи оказались рассеяно живущими с чужеродцами. Такие операции, скорее всего, проводили с покоренными номадами и авары на пути в Центральную Европу, и тюрки. Этим рассеянием культурно близких позднегуннских племен объясняются затруднения археологов в определении ареалов восточноевропейских кочевников VI-VII вв., когда на одной территории присутствует множество вариаций погребального обряда. На такой основе формировалась в Северном Причерноморье Великая Булгария. Этнической элитой Великой Булгарии были, естественно, булгары. Впоследствии этот этноним употреблялся к кочевникам Приазовья, Волго-Камья и Подунавья, происхождение которых в источниках связано с Великой Булгарией. Новая полития строилась на идеологической основе памяти об общем происхождении - участники ее возводили себя к гуннам Атиллы, а правящий род объявил его своим предком.

Созданная без внутренних предпосылок во 2-й пол. VI в., Великая Булгария исчезла с исторической арены после смерти хана Кубрата. В рамках этой политики только начинала складываться единая культура. Кочевое и оседлое население, среди которого были племена раннетюркского, иранского, славянского происхождения наладило культурный обмен, еще не перешедший в фазу симбиоза. Именно в Великой Булгарии берет начало культурно-историческая общность, называемая часто салтово-маяцкой культурой. Огромным было значение Великой Булгарии для становления этнического самосознания племен, входивших в ее состав. Одни из них сохранили свою этническую идентичность, другие после распада объединения приняли этноним верхушки – булгары (показательно исчезновение с этнической карты таких крупных племенных союзов, как кутригуры, утигуры, сарагуры, а также анты).

В четвертой главе «Государства» и народы Юго-Восточной Европы на этнополитической карте VIII-IX вв.» рассмотрена локализация этносов и политических образований, упоминаемых в раннесредневековых источниках, прежде всего арабо-персидских, а также проведен источниковедческий анализ этих известий.

Критика источников, проведенная с применением системного подхода и структурного анализа, показала, что данные материалы можно использовать в качестве источников по этносоциальной и политической истории степной и лесостепной полосы Западной Евразии. Несмотря на «многослойность» каждого из арабо-персидских географических сочинений, несмотря на сложное переплетение эпох и даже регионов почти в каждом сообщении, в настоящее время мы обладаем достаточным инструментарием, чтобы определить хронологию и степень достоверности большей части информации. При этом арабо-персидская литература является основным, системообразующим источником в отношении Юго-Восточной Европы VIII-IX вв., когда западные и византийские сведения отрывочны и часто не поддаются внятной интерпретации.

Так называемая «Анонимная записка» является одним из ценнейших источников. Но это цикл не о Восточной Европе, а «о тюрках» - т.е. о степной и лесостепной полосе Восточной Европы и Центральной Азии. Составлена она была между 818 и 840 гг., скорее всего, как описание к карте. Сам цикл, возможно, представляет собой описание шестого кешвара, согласно делению мира в иранской географической традиции. Этими материалами как основными пользовался неизвестный географ при составлении «Худуд ал-алам». Сведения о народах Центральной Азии и Восточной Европы, которых можно достоверно идентифицировать, указывают на датировку большей части информации «Худуд» не позднее 1-й трети IX в. Косвенным подтверждением такой датировки корпуса сведений «Пределов мира» служит то, что автор, упоминающий о знаменитых ученых Халифата VIII в., не знает о выдающихся географах кон IX - X вв., труды которых были известны во всем арабском мире.

Анализ общих представлений арабских географов IX-X вв. о Восточной Европе показывает, что «ойкумена» для них ограничивалась бассейном Волги

вплоть до среднего ее течения, а также степью и лесостепью. Соответственно, все народы, упоминаемые в цикле «О тюрках» традиции ал-Джайхани, располагались именно в указанных пределах. Сопоставление данных с другими письменными источниками и с археологическими материалами показывает, что общий источник традиции ал-Джайхани в отношении как Восточной Европы, так и Центральной Азии, можно датировать не позднее 1-й половины IX в. В таком виде этот цикл сохранился только в «Худуд ал-алам», и то с некоторыми изменениями. В дальнейшем авторы инкорпорировали современные им сведения в общую канву протографа и удаляли из него очевидно устаревшую информацию, как это было с мадьярами, булгарами, печенегами.

Важно для дальнейшего исследования и выделение в составе «Худуд» и сочинений традиции ал-Балхи общего источника, также относящегося к IX в. Этот источник включает сюжеты об области Бургас и трех городах русов, которые позднее, в связи с велением времени, трансформировались в «три вида русов».

Таким образом, сравнение сообщений о широко известных по другим источникам кочевых народах не только дает возможность определить взаимную датировку корпуса сведений о Восточной Европе, но и предоставляет данные для локализации тех народов и политических образований региона, чье местонахождение является дискуссионным, в частности, русов и хазар.

В пятой главе «Хазарский каганат: от союза племен к раннему государству» предлагается авторское видение становления и этнополитической эволюции Хазарского каганата, а также его роли в истории Юго-Восточной Европы.

Сопоставление письменных источников о ранних хазарах (в основном арабских, сирийских, византийских и закавказских) позволило прийти к выводу, что ранние хазары, как и родственные им булгары, выделились из среды прототюрков в период до образования Первого Тюркского каганата, т.е. еще в гунно-сарматское время, и после Великого переселения народов, по крайней мере с VI в., они известны в Северо-Восточном Предкавказье, по соседству с другими позднегуннскими племенами.

До конца VII в. Хазария не являлась значимой политической силой в Восточной Европе. В ирано-византийском противостоянии хазары участвовали, будучи зависимыми от Западнотюркского каганата. В первых столкновениях арабов с племенами Кавказа и Прикаспия вплоть до конца VII в. действовала коалиция тюрков, хазар и гунов. Но подчинение хазарами остатков Великой Булгарии усилило позиции хазар. Выгодное географическое положение, по сравнению с другими прикаспийскими объединениями, больше подвергавшимися нападениям арабов, позволило хазарам стать центром консолидации в борьбе с арабским натиском. В ходе кавказских войн с арабами Хазарское протогосударство значительно расширило свои границы и получило статус каганата, стало вести самостоятельную международную политику, основным вектором которой был союз с Византийской империей. Набеги хазар и их союзни-

ков на Закавказье отвлекали силы Халифата и делали для него невозможным решающий удар по Византии. Но и во второй половине VIII в. Хазария еще являлась полукочевой «федерацией», в которой номады жили сбором дани с жителей существовавших до их прихода городов и с полупоседлого населения⁷².

Из информации письменных источников можно заключить, что хазары делали попытку заимствовать, насколько это было возможно, традиции Западного Тюркского каганата, под властью которого они находились ранее. В начале VIII в. хазары уже употребляют характерную терминологию: шад, тудун, тархан. Причем титулы и должности по смыслу соответствовали тюркским. Но жесткой, воснизированной общественной структуры, подобной Тюркским каганатам, в Хазарии еще не наблюдалось. Вместе с тем, в VIII в. в новом каганате появляется и своя столица – Итиль, расположенная в очень выгодном месте, на пересечении древних торговых путей. Сильной предпосылкой дальнейшей эволюции хазарского объединения было и наличие на его территории старых торговых и ремесленных центров Приморского Дагестана, которые продолжали функционировать. Эти факторы, а также жесткая линия Византии и особенно Халифата в вопросе грабительских набегов дали возможность Хазарии переориентироваться с удаленной эксплуатации на торговое посредничество, контроль над торговыми путями и постоянное взимание дани с племем близкого уровня развития, живших вблизи от этих магистралей. С этим связано и исчезновение Хазарии из хроник пограничных областей Халифата. Перед каганатом, превратившимся в суперсложное вожество, открывались перспективы ранней государственности. Но по состоянию на VIII - нач. IX вв. ни данные письменных источников, ни археологические материалы не подтверждают существования огромного Хазарского каганата, простиравшегося от Нижней Волги до Днепра. По данным еврейско-хазарской переписки и арабо-персидские географов, Хазария локализуется в восточном Предкавказье и в дельте Волги, причем крайним пограничным пунктом с запада в письме царя Иосифа называется крепость Саркел, а до 30-х гг. IX в. и низовья Дона не входили в Хазарский каганат.

Этническая структура ядра Хазарии VIII в. (без булгар, оногуров, «царства гуннов», населения прикаспийских городов) включала ранних хазар гунно-сарматского происхождения и потомков тюрков Западнотюркского каганата. Изначально тюрки, как завоеватели, должны были иметь более высокий социальный статус. Но сохранение тюркским «центром» хазарской племенной верхушки, практика «двоевластия», со временем превратившаяся в связку *шад – каган*, крушение каганата западных тюрков – все это вело к установлению равенства между тюрками и хазарами в Предкавказье и Прикаспии, а в дальнейшем – к смешению.

«Двоевластие» в Хазарии существовало с момента подчинения хазар Тюркскому каганату и сохранялось после образования Хазарского каганата. Но

⁷² См.: Галкина Е.С. Кавказские войны VII-VIII вв. и возвышение Хазарии // Восток (Oriens). – 2006. – №4. – С.5-17.

в VIII в. источники представляют хакана как реально действующего политика, а уже в сер. IX в. он становится сакральным символом. Принятие «заместителем хакана» нового титула *бек*, которое свидетельствовало о повышении его статуса, относится, очевидно, к 1-й пол. IX в. В то время Хазария переориентировалась с экзэксплуатации в форме военного грабежа оседлых цивилизаций на торговлю и контроль над торговыми путями, а также эксплуатацию данников, от которых и поступала большая часть экспортируемых товаров. Этими данниками, по свидетельствам источников, были буртасы и хазарские печенеги. На каких условиях вошла в каганат часть болгарских и оногурских племен – неизвестно. Но археологические материалы свидетельствуют, что во 2-й пол. VIII в. из Предкавказья происходит массовая эмиграция этих племен. Часть из мигрантов потом осваивается на Дону и Северском Донце, часть уходит на Среднюю Волгу. Другие носители той же материальной культуры начинают «победное шествие» по Ставропольской возвышенности и предгорьям, тесня аборигенов в горы. Эти события разворачивались на территории хазарской «конфедерации» и были связаны с консолидацией власти, образованием общей для каганата высшей аристократии. Те, кто имел иное видение проблемы, чем правящий род, но был в меньшинстве, по давней традиции помадов отделились от Хазарии и откочевали.

Принятие иудаизма хазарской элитой было политическим актом, направленным, с одной стороны, на расположение торговых партнеров, а с другой – на решение внутренних проблем. Правящая верхушка приняла религию, которая не только способствовала замыканию власти внутри одного рода, но еще имела «встроенный» непростой механизм пополнения элиты. То есть иудаизм был вариантом идеологического оформления институционализации власти и давал возможность племенным вождям «встроиться» в него с помощью браков, а их потомкам со временем – стать легитимными и равноправными членами единой общехазарской элиты.

Хазарский каганат мог функционировать только до тех пор, пока у хазарской элиты был контроль над главными торговыми нитями Юго-Восточной Европы. Потеря хотя бы одной магистрали вела к существенному ослаблению Хазарии. Для этого нужно было удерживать в повиновении племена, проживавшие поблизости от торговых путей. Но вечно это продолжаться не могло, т.к. на базе крепостей-гарнизонов по сбору дани с проезжающих купцов неизбежно возникали торговые центры, местная племенная элита (особенно кочевая) начинала принимать активное участие в торговых операциях, покоренные племена консолидировались в политические объединения более высокого уровня, создавали свои контрольные пункты на том же торговом пути. Так, часть буртасских племен объединилась с угорскими и болгаро-оногурскими группами, в результате чего во 2-й пол. IX – начале X вв. возникла Волжская Булгария. Привести ее в повиновение для Хазарского каганата оказалось невозможно в силу дальности расстояния. Попытки окончились неудачей и привели к обратному результату: болгары нашли сильного покровителя в лице го-

сударства Саманидов и перенаправили эту ветвь Шелкового пути по сухопутному пути, подробно описанному Ибн Фадланом⁷³. Южная часть Волго-Балтийского пути была фактически закрыта враждебно настроенными к Хазарии племенами. Именно этот факт, а также печенежское нашествие и отпадение славянских земель стали причиной неизбежной гибели Хазарского каганата и началом новой эпохи в степях Юго-Восточной Европы – эпохи печенегов, гузов, половцев. Последний удар был нанесен Хазарии уже Киевской Русью, князьями Святославом и Владимиром, после чего Хазария как политическая сила в Предкавказье перестала существовать.

В шестой главе «Русский каганат: опыт этносоциальной реконструкции» раскрывается роль в этнополитической истории кочевников Юго-Восточной Европы основного соперника Хазарии на региональной арене – Русского каганата.

Комплексное исследование различных групп источников позволило определить место и роль в истории Юго-Восточной Европы т.н. Русского каганата, упоминающегося в ряде письменных памятников раннего средневековья. На территории, где ранние арабо-персидские источники локализуют «русов с хаканом о главе», находился в тот период лесостепной и степной варианты салтово-маяцкой археологической культуры. Материалы археологии, нумизматики и эпиграфики полностью подтверждают сообщения арабо-персидской литературы о локализации мощного государства в верховьях Северского Донца, Оскола и на Среднем и частично верхнем Дону. Главным государствообразующим и политически доминирующим этносом в каганате были носители лесостепного варианта салтовской культуры – североиранцы, которые в письменных свидетельствах называются русами. Это подтверждает проведенная корреляция сообщений арабо-персидской литературы о русах с хаканом во главе и данных археологии и специальных исторических дисциплин. Кроме них, население протогосударства составляли асы и булгары, откочевавшие в Подонье после распада Великой Болгарии и оказавшиеся в подчиненном положении, а также давние соседи русов – восточные славяне, с которыми были налажены дружественные отношения и начался процесс миксации⁷⁴.

Русский каганат был вторичным протогосударством (ранним государством) с собственной производящей экономикой и развитыми ремеслами (гончарное дело, ювелирное мастерство, металлообработка на государственном уровне). В нач. 2-й четв. IX в. у Русского каганата появляется опасный внешний противник на северо-востоке и юго-востоке, против которого строится ряд мощных крепостей по течению р. Тихой Сосны и Правобережное Цимлянское городище в низовьях Дона. Конец же 1-й пол. IX в., точнее по монетным находкам и дате построения Саркела (сразу после разрушения Правобережного городища), – кон. 830 – нач. 840-х гг. отмечен разрушением некоторых крепостей, сожжением селищ и ремесленных центров. Этим противником был Ха-

⁷³ Ковалевский А.П. Книга Ахмеда Ибн Фадлана о его путешествии на Волгу в 921-922 гг. – С.96 (карта).

⁷⁴ Подробнее см.: Галкина Е.С. Тайны Русского каганата. М., 2002.

зарский каганат и его союзники-вассалы - мадьярские племена, которых хазары использовали как основную силу. Нашествие кочевников уничтожило раннее государство русов.

Два каганата – Хазарский и Русский – делили единый регион – степную и лесостепную зону Восточной Европы, который к тому времени уже сформировался как единая историко-культурная область, благодаря почти тысячелетней деятельности их предков. Роду кагана в Хазарии была необходима война – для удовлетворения амбиций племенных вождей, которые мало участвовали в распределении доходов с торговли и с подозрением воспринимали политические и религиозные инициативы власти. Эта проблема усилилась с вступлением в хазарский союз венгров или мадьяр (несяно, где сложился мадьяро-оногурский союз – в Среднем Поволжье и в Северном Причерноморье, т.к. оногурские племена жили в обоих регионах). Венгры ждали от хазар взаимовыгодного сотрудничества в виде совместных походов и взимания дани. С другой стороны, обозначилась внешнеполитическая проблема Русского каганата, который угрожал самому существованию Хазарии. Русский каганат после удара мадьяро-оногуро-хазарского союза распался на отдельные племена, одни из которых мигрировали, другие остались на месте, но подчинились хазарам.

Во всех кочевых обществах от древности до нового времени основой социальной организации были родоплеменные связи, действовал генеалогический принцип родства (в том числе и фиктивного), сам факт которого показывает, что этот принцип не изжил себя и на стадии «кочевых империй»). Страшной карой для проигравших войну было насильственное разделение родов и расселение среди победителей. И когда родоплеменная структура на высших этажах общественной пирамиды сменялась военно-административной, «внизу» родовой принцип сохранялся, а «наверху» тщательно следили за формально-идеологическим единством племенного союза и, прежде всего, правящего племени. В борьбе за сохранение своего статуса *верхушка* хазар сознательно отказалась от такого единства и начала формирование нового этностраты на основе смешения гунно-тюркской властной традиции и иудаизма.

Конфликт между вождями племен и центральной хазарской властью проявился после разгрома Русского каганата, по-видимому, в связи с распределением добычи и данников.

С падением Русского каганата Хазария стала контролировать все основные торговые пути Восточной Европы – и сухопутные, и водные, в том числе речную артерию, соединявшую Черное и Каспийское моря, и южную часть Волго-Балтийского пути. Это обстоятельство, прежде всего, и позволило Хазарскому каганату просуществовать еще больше века, до 960-х гг., несмотря на постоянные вторжения печенегов, начиная со 2-й пол. IX в.

В седьмой главе «Этносоциальное взаимодействие и политогенез в кочевых сообществах периферии Киевское Русии» рассматриваются основные особенности этносоциального и политического развития «ожнорусских» кочевников X – XII вв.

В VIII-IX вв. в Юго-Восточной Европе господствовали полукочевые/ полуседлые сообщества, за несколько столетий создавшие ранние государства с достаточно высоким уровнем социальной организации. Хазарский и Русский каганаты не только контролировали этот значительный по своим размерам регион, но и играли активную роль в политической истории Западной Евразии. Пришедшие им на смену племенные союзы – печенеги, торки, половцы – при всей своей многочисленности были лишь истинной периферией бурно развивавшегося Древнерусского государства и Византии. Краткий очерк этнополитической истории этих племенных союзов в Восточной Европе необходим в данном исследовании для сравнительного анализа закономерностей развития «южнорусских» кочевников и тех этнокультурных традиций, что доминировали в регионе на протяжении I тыс.н.э. Все эти заволжские кочевники принадлежали этническим группам, полностью сформированным в Центральной Азии на тюркской основе, где иранский этнокультурный субстрат был малозаметен.

Для кочевников южнорусских степей X-XII вв., как и для всех кочевников и Евразии, и Ближневосточного региона, была характерна так называемая генеалогическая система родства, на которой и строилась социальная структура их обществ. Но в отличие от североиранских и гунно-сарматских этносов, доминировавших в Восточной Европе в предыдущем тысячелетии, у печенегов, торков и половцев она еще не начала трансформироваться в административную организацию, да и не было внутренних предпосылок.

Археологические данные не фиксируют наличие у кочевников X – XI вв. социальной стратификации. Половцы же в XII в. находились на начальной стадии разложения первобытнообщинных отношений, которое шло в данном случае по пути позднеродовой общины и патронимии. Объединения половцев, которые упоминают древнерусские источники, быстро распадались со смертью своих предводителей, как, например, союз Кончака, в котором даже отсутствовал управленческий аппарат. Политогенез половцев стимулировался также внешним фактором – влиянием Киевской Руси. Однако это воздействие было длительным и приводило к оседанию половцев, возникновению совместных поселений и к началу ассимиляции кочевников славянами, что прослеживается по антропологическим данным.

В заключении подводятся итоги исследования и содержатся следующие выводы:

На протяжении почти всего I тыс. н.э. степи и лесостепи Восточной Европы представляли собой уникальный этнокультурный феномен: на этом огромном пространстве последовательно развивались материальная культура, погребальные обряды – при смене этносов, которая фиксируется в письменных источниках. Этот факт невозможно объяснить ролью некоего субстрата, потому что не «субстрат» определяет облик материальной культуры той или иной общности.

Юго-Восточная Европа приняла несколько миграционных потоков кочевников из азиатских степей. Эпоха глобальных переселений закончилась с падением Гуннского союза, и вплоть до мадьярской и печенежской экспансии конца IX в. крупных иноэтничных вторжений не было. Основными творцами этнокультурной карты региона были участники двух больших миграционных волн – среднесарматской («каланской») и гуннской (точнее, гунно-позднесарматской). На их основе и формировалось абсолютное большинство этносоциальных общностей I тыс. н.э.

До начала Великого переселения народов в Западной Евразии в течение почти тысячи лет господствовали кочевники североиранского происхождения: скифы, сарматы, аланы. К началу Великого переселения народов наблюдалось уже значительное этническое смешение остатков скифских племен, многие из которых перешли на полуседлый образ жизни, с новыми волнами кочевников, пришедших из урало-казахстанских степей и Средней Азии. Эти миграции были порождением комплекса причин, основными из которых стали климатические процессы (аридизация степей Западной Азии) и передвижение хуннских племен из центральноазиатского региона. Уровень социального развития последних на момент появления в Восточной Европе был далеко не одинаков. Сарматские племена в основной своей массе лишь вступали в эпоху классового разложения. Между тем аланы уже переживали этап вторичного протогосударства.

Уже I-е столетия н.э. выявили два возможных способа адаптации систем жизнеобеспечения этих общественных организмов к меняющимся природным и социально-политическим условиям. Данные способы сохранились вплоть до конца эпохи. Первый условно можно назвать североиранским (аланы и родственные им рухсы Русского каганата). Это преимущественно полуседлый тип хозяйствования, с примерно равными долями скотоводства и земледелия, высоким уровнем развития ремесла и неизменно большой ролью международной торговли. В основе этой системы лежит древнеиранская культурная традиция с троичным делением общества, в котором ремесленники являются уважаемой прослойкой и земледельцы имеют социальный статус, фактически аналогичный рядовым кочевникам (не дружинникам). Это давало возможность легкой интеграции в такое сообщество родоплеменных групп с самым разным хозяйственным укладом – полукочевым, полуседлым, кочевым, оседлым. Оседание, равно как и смешение с оседлыми населением (этнически родственным, из предыдущих миграционных потоков) отнюдь не воспринималось североиранскими кочевниками как трагедия. И Аланский союз, и Русский каганат были строго стратифицированными сообществами, с иерархией родов и субординацией «сословий», в которых, однако, было возможным принятие иноэтничных групп в какое-либо из «сословий» на равных с доминирующим этносом (как сужоугольшанская группа салтовской культуры).

Такие условия обеспечивали возможность высокой экономической интеграции населения с разными традициями, и часто в рамках одного поселения

или могильника встречаются свидетельства неоднородности – от обряда погребения до особенностей домостроительства. Происходил технический обмен, культурные заимствования. Чем дольше существовал союз, тем чаще происходили межэтнические браки. Но даже в рамках поселения, ведущего совместное хозяйство, т.е. в одной территориальной общине, сохранялись различия в этномаркирующих признаках. Это связано с сохранением родовых групп, помнивших о своем происхождении. В отношении вновь завоеванных территорий практиковалась дашичская эксплуатация. Но эти политические объединения не применяли традиционных методов «кочевых империй» гунно-торко-монгольской Центральной Азии с удаленной экзоплуатацией крупных земледельческих цивилизаций, путем череды грабежей и вымогания «подарков». Развитие общества носило, можно так сказать, не экстенсивный, а интенсивный характер. Название политически доминирующего этноса, составлявшего аристократию, в таких сообществах со временем превращалось в политоним, участники которого воспринимали себя, с одной стороны, как члены конкретной родовой группы, с другой – как участники данной политики.

В подобных оседло-кочевых обществах особенно быстро происходили начальные процессы классового образования, выделения аристократии, «царского рода» и публичной власти. Отмечается высокий уровень развития производства, домашних ремесел, а потом и товарного ремесла. И эти особенности связаны не только с хозяйственно-культурным типом, сложившимся в Юго-Восточной Европе, но в первую очередь с североиранской культурной традицией. Аналогии такой социально-экономической и политической модели находятся за тысячи километров от европейской степи и лесостепи, к примеру, у племен саргатской культуры раннего железного века в Западной Сибири⁷⁵. Но те процессы, которые в спокойных условиях саргатской культуры, вдали от центров ойкумены протекла в течение тысячелетия, в Юго-Восточной Европе шли более бурно, но прерывисто. Аланский союз был сметен гуннским нашествием, Русский каганат – мадьярами и хазарами. Восстановить структуру такого сообщества, экономическое единство которого в рамках господства натурального хозяйства держится на эфемерной основе городского ремесла и контроля над торговыми путями, практически невозможно – она «рассыпается» на родовые группы, некоторые из которых (по обстоятельствам) сохраняют название погибшей политики в качестве родового/ племенного имени.

Второй путь, гунно-сарматский, оформился с конца IV в., когда господствующими этносами степей Восточной Европы стали т.н. позднегуннские племена, состоявшие, прежде всего, из гунно-сарматских кочевников урало-казахстанского региона, что ясно прослеживается на археологических материалах. Причем сарматский компонент гуннской орды был весьма значительным. Именно сарматы Средней Азии принесли в Восточную Европу один из вариантов рунической письменности. «Гуннскими» (т.е. появившимися вместе

⁷⁵ См.: Матвеева Н.П. Социально-экономические структуры населения Западной Сибири в раннем железном веке (лесостепная и подтаежная зоны). – Новосибирск, 2000.

с гуннами) являются болгары, савиры, кутригуры, оногуры, барсилы, хазары. Гуннский племенной союз являл собой первое воплощение гунно-сарматского пути этносоциального строительства в степях Восточной Европы. Он строился на принципах центральноазиатских кочевников, с упором на удаленную эксплуатацию, в данном случае, Римской империи. Реформы, проводившиеся его вождями и направленные на формирование военно-административного аппарата, были продиктованы внешней целью и не имели объективных внутренних причин. Форсирование преобразований Атиллой, его постоянные конфликты с родственниками, воспринимавшимися гуннами и международным сообществом как царский род, - все это дестабилизировало непрочную структуру союза.

Гуннское нашествие послужило катализатором процессов политогенеза в славянском обществе. Это естественно: периферийные земледельческие племена, как правило, гораздо консервативнее, чем кочевые. Даже технические новшества, приемы ремесла заимствуются ими в мирное время крайне неохотно. Знакомство, пусть сначала насильственное, с другими культурами, необходимость уходить с насиженных мест подтолкнули становление первых значительных племенных союзов у славян (склавены и анты), а впоследствии - и протогосударств, которые стали возникать после периода походов на Византию.

Исследование археологических материалов показало, что роль кочевников 1-х вв. н.э. в истории этносов 2-й пол. I тыс. н.э. гораздо более значима, чем принято считать в историографии. Североиранские кочевые племена, занимавшие господствующее положение в степях Восточной Европы, и после Великого переселения народов не исчезли с этнокультурной карты, обратившись в субстрат для новых народов. Напротив, в раннем средневековье они продолжали играть одну из важнейших ролей в истории этого региона, став основой для образования новой этнополитической общности - салтово-маяцкой культуры, которая будет доминировать в степи и лесостепи.

Роль же Тюркского каганата в истории европейской степи и лесостепи далеко не была решающей. Большинство тюркских завоеваний оказались непрочными, по крайней мере, источники уже в кон. VI в., т.е. через четверть века после нашествия тюрков, фиксируют возвращение предшествующей расстановки сил в регионе. Вполне возможно, что применяли наиболее типичную для кочевников модель завоевания: завоеватели и завоеванные сосуществуют на расстоянии, получение прибавочного продукта осуществляется посредством дистанционной эксплуатации. Но подтвердить это археологическими данными невозможно. Другая ситуация сложилась в стратегическом для тюрков районе Прикаспия, где на территории хазар был оставлен военный гарнизон. Тюркский суперстрат ясно прослеживается у средневековых хазар, а также жителей образования Сарир.

Однако тюркская экспансия, а также нашествие авар подтолкнули становление в Северном Причерноморье крупного образования на кочевой основе

– Великой Булгарии, объединившей ряд позднегуннских племен Причерноморья (булгар, кутригур, оногур), сармато-аланских, славянских и других племен – бывших активных участников Великого переселения народов. Данные племена не находились в длительной зависимости от авар или тюрков. Опыт Великой Булгарии, созданной племенами, которые уже считали Восточную Европу своей родиной, можно назвать не слишком удачным образцом синтеза различных политических традиций. Распад этого объединения, в котором успешно проходило межэтническое взаимодействие, был инспирирован «изнутри», видимо, в связи с не устоявшейся традицией наследования власти. Но в рамках Великой Булгарии возникло несколько этнических групп, которые связывали себя общностью происхождения и приняли после ее исчезновения этноним «булгары». Кроме того, именно на территории этой политики возникли многие традиции, сформировавшие облик материальной культуры Русского каганата и Хазарии.

Хазарам удалось создать одно из наиболее влиятельных в Восточной Европе политических объединений, которое после арабо-кавказских войн наследовало от тюрков определение «каганат». Борьба с арабами на Кавказе подтолкнула формирование не только Хазарского каганата, но и этноса средневековых хазар. Хазарский каганат образовался фактически на основе коалиции племенных союзов, отражавших арабскую агрессию. Но определять Хазарию как «кочевую империю», равную по значению Хуннской державе или Тюркским каганатам, нет достаточных оснований. Территория влияния Хазарского каганата на протяжении большей части его истории ограничивалась на северо-востоке низовьями Волги, на юге – степями Приморского Дагестана рядом с владениями сахиба ас-Сарир, на западе Прикубаньем до Черного моря, включая некоторые области восточного Крыма. Археологические данные также не свидетельствуют в пользу тезиса о «Хазарской империи». Период наибольшего могущества Хазарского каганата составлял не более полувека (2-я пол. IX в.). После нашествия печенегов Хазарский каганат вошел в свои естественные границы, оформившиеся еще в нач. VIII в., после чего начался процесс распада этого раннего государства. Хазарский каганат представлял собой «анофеоз» развития по гунно-сарматскому пути социо- и политогенеза, при значительном влиянии тюркской идеологической традиции. В результате падения Русского каганата и захвата хазарами контроля над важнейшими торговыми путями Юго-Восточной Европы, к сер. IX в. Хазария переступила порог ранней государственности, вплоть до появления наемной армии. Но противоречие между кочевыми догосударственными традициями рядовых членов доминирующего этноса, аристократией зависимых племен, тоже кочевников, и интересами правящей общехазарской элиты породили нежизнеспособную структуру. В ней, с одной стороны, формировался иудео-хазарский этнос-страта, охраняемый мусульманами-насмниками, с другой – элита продолжала «делиться» доходами с племенной аристократией и рядовыми кочевниками, во имя сохранения социальной стабильности. Существовать такое общество могло ровно столько,

сколько продолжался контроль над торговыми путями. И после того как в начале X в. Волжская Булгария перехватила Волго-Балтийскую артерию, а на западе образовалась Киевская Русь, Хазарский каганат был обречен.

Таким образом, кочевые и полуоседлые народы степи и лесостепи Юго-Восточной Европы I тыс. н.э. североиранского и гунно-сарматского происхождения сформировали единую динамично развивавшуюся единую историко-культурную область, в пределах которой обретали общие черты традиционной культуры. Эта область сложилась на основе взаимодействия двух хозяйственно-культурных типов: 1) земледельцев степи и лесостепи и 2) кочевых скотоводов степей и двух этнокультурных традиций, привнесенных в свое время из Центральной и Средней Азии и развивавшихся уже в Восточной Европе. Становление этой историко-культурной области проходило в рамках нескольких политических объединений с неслучайным участием представителей обеих традиций, единственный раз прервавшись в эпоху гуннского нашествия.

В сравнении с протогосударствами степи и лесостепи кон. I тыс. н.э., новая волна тюркских кочевников Заволжья – печенеги, торки и половцы – стояли на значительно более низкой стадии развития общественных отношений. Создание протогосударственных объединений было вызвано только причинами внешнего характера, и прежде всего влиянием Киевской Руси. Тюрко-огузская этнокультурная традиция Центральной Азии изначально отрицательно относилась к седентеризации, к ремеслу и земледелию, рассматривая как основной источник дохода и престижа удаленную эксплуатацию. Однако, если в Азии таким образом создавались кочевые империи, в Восточной Европе, в силу природно-климатических и геополитических условий, это был изначально тушиковский путь. И свернуть с него можно было только при кардинальном изменении такой традиции. Источник таких изменений может быть легитимен в глазах кочевников, только будучи внешним и исходящим от более сильного общества, которому они подчиняются. Таким сообществом стала для беренде-ев, черных клобуков и многих половецких родов Древняя Русь.

Влекаемые географическими катаклизмами, направляемые талантом полководцев, племенные союзы эпохи «военной демократии» быстро подчиняли себе обширные земли. Однако та же географическая детерминированность, объективная хозяйственная разобщенность, различие социальных, потестарно-политических и этнокультурных традиций и отсутствие основы для начала их синтеза – все это заставляло «империи» времен разложения первобытного общества рушиться, не пережив, как правило, и двух столетий. Между тем, вся история Восточной Европы I тыс. н.э. представляет неразрывный и перманентный процесс этнокультурной интеграции племен.

Основные положения диссертации отражены в следующих публикациях:

Работы, опубликованные в периодических научных изданиях, рекомендованных ВАК Министерства образования и науки РФ:

1. Галкина Е.С. Кочевая периферия восточных славян: этносы и государства // Преподавание истории и обществознания в школе. – 2004. – №9. – С.12-20 (0,6 п.л.).
2. Галкина Е.С. Юго-Восточная Европа в представлении арабских географов IX в. // Восток (Oriens). – 2005. – №3. – С.5-17 (1,0 п.л.).
3. Галкина Е.С. Кочевой мир Восточной Европы конца IX – начала XIII вв.: этнические процессы и общественное развитие // Наука и школа. – 2006. – №4. – С.27-30 (0,5 п.л.).
4. Галкина Е.С. Кавказские войны VII-VIII вв. и возвышение Хазарии // Восток (Oriens). – 2006. – №4. – С.5-19 (1,2 п.л.).

Монографии:

5. Галкина Е.С. Номады Восточной Европы: этносы, социум, власть (I тыс. н.э.). – М.: Прометей, 2006. – 564 с. (35,0 п.л.).
6. Галкина Е.С., Родригес А.М. Кочевая периферия восточных славян и Руси: этнополитические процессы. М.: МГУП, 2003. – 384 с. (24 п.л., авторский вклад – 70%).
7. Галкина Е.С. Тайны Русского каганата. М.: Вече, 2002. – 432 с. (27 п.л.).

Статьи:

8. Галкина Е.С. Салтово-маяцкая культура и проблема Русского каганата // Научные труды МПГУ. Серия: социально-политические науки.- М., 1997. – С. 268-274 (0,4 п.л.).
9. Галкина Е.С., Кузьмин А.Г. Росский каганат и остров русов // Славяне и Русь: Проблемы и идеи: Концепции, рожденные трехвековой полемикой, в хрестоматийном изложении. М.: Наука - Флинта, 1998. С. 456-481 (1,25 п.л., авторский вклад – 50%).
10. Галкина Е.С. Русский каганат на Дону // Роман-журнал XXI век. – 2000. – № 4. – С. 74-79 (0,7 п.л.).
11. Галкина Е.С., Колинско Ю.В. «Азиопа»: Россия и «теории цивилизаций» // Сборник Русского исторического общества. - Т. 3 (151). - М., 2000. – С.314-319 (0,6 п.л., авторский вклад – 50%).
12. Галкина Е.С. Волго-Балтийский путь в арабо-персидской географии IX - XII веков // Гуманитарий. История и исторические науки. Сборник научных трудов. - М., 2001. - С. 4-8 (0,25 п.л.).

13. Галкина Е.С. Булгары в «Худуд ал-Алам» // Гуманитарий. История и общественные науки. Сборник научных трудов. – Вып.3. – М.: МПГУ, 2002. – С.144-149 (0,25 п.л.).

14. Галкина Е.С. К вопросу о миграции северокавказских алан в Подонье // Социально-гуманитарные науки: поиски, проблемы, решения. – М.: МПГУ, 2002. – С. 7-14 (0,5 п.л.).

15. Галкина Е.С. К осмыслению титула «хакан русов» в арабо-персидской географии IX - XII вв. // Научные труды МПГУ. Серия: Социально-исторические науки. Сб. статей. – М., 2003. – С.164-172 (0,5 п.л.).

16. Галкина Е.С. К проблеме локализации народов Юго-Восточной Европы на этнической карте географов «школы ал-Джайхани» // Ученые записки Центра арабских исследований Института востоковедения РАН. – Вып.3. – М., 2003. – С.3-20 (1,2 п.л.).

17. Галкина Е.С. Некоторые аспекты изучения ранних государств Юго-Восточной Европы в новейшей англо-американской историографии // Социум: проблемы, анализ, интерпретации. (Сб. науч. трудов). – Вып.1. – М.: МПГУ, 2003. – С.68-75 (0,5 п.л.).

18. Галкина Е.С. Факторы становления Хазарского каганата // Россия, Запад, Восток во всемирной истории. – Рязань: РГПУ, 2003. – С.18-33 (0,7 п.л.).

19. Галкина Е.С. Этническое происхождение ранних хазар // Гуманитарий. История и общественные науки. Сборник научных трудов. – Вып.V. – М., 2003. – С.300-308 (0,5 п.л.).

20. Галкина Е.С. Авары. Аланы. Анты. Белоозеро. Белые калмыки. Берендеи. Бужане. Булгария Волжско-Камская. Булгары волжско-камские. Былины. Весь. Водь. Волго-Балтийский путь. Волохи. Вольняне. Вятичи. Город. Городище. Готы. Ижора. Карелы. Касоги. Коми-пермяки. Манси. Марийцы. Меря. Мордва. Муром. Норманны. Пересечен. Печенеги. Половецкая земля. Половцы. Полочане. Поляне. Пургасова Русь. Радимичи. Роксоланы. Руны. Русы. Савроматы. Саркел. Сарматы. Свеоны. Северяне. Скифы. Сколоты. Словене ильменские. Торки. Угры. Удмурты. Уличи. Хазарский каганат. Царь. Червенские города. Черемисы. Черные клобуки. Шарукань. Шелковый путь // Иллюстрированная энциклопедия «Руссика». История России. 9-17 вв. – М.: ОЛМА-ПРЕСС Образование, 2004. – 640 с. (67,4 п.л., авторский вклад – 5,5 п.л.).

21. Галкина Е.С. Катар // Новая история стран Азии и Африки / Под ред. А.М. Родригеса: В 3 ч. – М.: Гуманит. изд. центр ВЛАДОС, 2004. – Ч.3. – С.92-99 (0,35 п.л.).

22. Галкина Е.С. Международные отношения на Кавказе VII-VIII вв. и хазары // Вопросы теории и истории международных отношений. Сб. статей. – М.: Издательство ДА МИД России, 2004. – С.162-193 (1,9 п.л.).

23. Галкина Е.С. Оман // Новая история стран Азии и Африки / Под ред. А.М. Родригеса: В 3 ч. – М.: Гуманит. изд. центр ВЛАДОС, 2004. – Ч.3. – С.100-114 (0,75 п.л.).

24. Галкина Е.С. Подходы американской исторической науки XX в. к проблемам политогенеза кочевников Западной Евразии // Проблемы истории международных отношений в новое и новейшее время. (К 75-летию со дня рождения профессора К.А. Малафеева). - Рязань, 2004. - С.280-297 (1,1 п.л.).

25. Галкина Е.С. Политическая история Великой Булгарии в свете письменных источников // Научные труды МПГУ. Серия: Социально-исторические науки. Сб. статей. - М.: «Прометей» МПГУ, 2004. - С.154-160 (0,4 п.л.).

26. Галкина Е.С. Проблема ранних хазар в свете письменных и археологических данных // Актуальные проблемы международных отношений. Материалы конференции молодых ученых Дипломатической академии МИД РФ. - М.: Научная книга, 2004. - С.80-95 (0,8 п.л.).

27. Галкина Е.С. «Хакан рус» в средневековой арабской географической литературе // Глобализация и мультикультурализм: Доклады и выступления. VII Международная философская конференция «Диалог цивилизаций: Восток - Запад», 14-16 апреля 2003 г., Москва. - М.: Изд-во РУДН, 2004. - С. 289-295 (0,45 п.л.).

28. Галкина Е.С., Колинченко Ю.В. [Рец. на:] Гедеонов С.А. Варяги и Русь В 2-х частях. / Автор предисловия, комментариев, биографического очерка - В.В. Фомин. - 2-е издание, комментированное. - М.: НИ ИД «Русская панорама», 2004 // Вопросы истории. - 2004. - №12. - С.157-160 (0,4 п.л., авторский вклад - 50%).

29. Галкина Е.С. «Белые пятна» этногенеза средневековых алан и этнические процессы в Центральном Предкавказье 1-х вв. н.э. // Кавказский сборник. - Вып.2 (34). - М.: НИ ИД «Русская панорама», 2005. - С.10-36 (1,8 п.л.).

30. Галкина Е.С. Тюрки и хазары на Кавказе в период ирано-византийских войн конца VI - начала VII вв. // Научные труды МПГУ. Серия: Социально-исторические науки. Сб. статей. - М.: «Прометей» МПГУ, 2005. - С.627-638 (0,6 п.л.).

31. Галкина Е.С. Тюркский каганат и «позднегуннские» племена в этнополитических процессах на территории Восточной Европы VI-VII вв. // Рязанский историк. - 2005. - №3. - С.60-75 (1,0 п.л.).

32. Галкина Е.С. Хазары в международных отношениях на Кавказе VII-VIII вв. // Ученые записки. 2005. Дипломатическая академия МИД РФ / Под ред. Е.П. Бажанова. - М.: Научная книга, 2005. - С. 292-311 (2,0 п.л.).

33. Галкина Е.С. Арабо-хазарские войны и образование Хазарского каганата в свете арабских историков // Судьба России в современной историографии. Сб. науч. статей памяти д.и.н., проф. А.Г. Кузьмина. - М.: Прометей, 2006. - С.138-160 (1,4 п.л.).

34. Галкина Е.С. Гунны Восточной Европы после краха державы Атилы // Научные труды МПГУ. Серия: Социально-исторические науки. Сб. статей. - М.: «Прометей» МПГУ, 2006. - С.533-544 (0,5 п.л.).

35. Галкина Е.С. Данники Хазарского каганата в письме царя Иосифа // Сборник Русского исторического общества. Т.10 (158). – М.: РИО – Русская панорама, 2006. – С.545-554 (1,7 п.л.).

36. Галкина Е.С. Между Востоком и Западом: Древняя Русь в российских школьных учебниках // Доклады и выступления. VIII Международная философская конференция «Диалог цивилизаций: Восток – Запад». – М.: Изд-во РУДН, 2006. – С. 125-141 (0,8 п.л.).

37. Галкина Е.С. Этническое взаимодействие в политогенезе // Актуальные проблемы всеобщей истории. Сб. науч. трудов. К 90-летию со дня основания РГУ им. С.А. Есенина. – Рязань, 2006. – С.25-35 (0,5 п.л.).

38. Галкина Е.С., Колиненко Ю.В. Начало Руси в новой работе А.А. Горского // Сборник Русского исторического общества. Т.10 (158). – М.: РИО – Русская панорама, 2006. – С.545-554 (0,9 п.л., авторский вклад – 50%).

39. Галкина Е.С., Колиненко Ю.В. Защитник земли (памяти А.Г. Кузьмина) // Наш современник. – 2006. - №7. – С.248-253 (0,6 п.л., авторский вклад – 50%).

Учебные пособия:

40. Хрестоматия по истории России с древнейших времен до 1618 г.: учеб. пособие для студ. высш. учеб. заведений / Под ред. А.Г. Кузьмина, С.П. Перевезенцева. М.: ГИЦ ВЛАДОС, 2004. – 656 с. (составитель и автор комментариев к главам «Истоки древнерусской цивилизации», «Киевская Русь», «Русь и Орда в XIII-XV вв. в соавторстве с Колиненко Ю.В., Кузьминым А.Г.») (41 п.л., авторский вклад – 30%).

Тезисы выступлений на конференциях:

41. Галкина Е.С. К вопросу о русах в средневековой арабской географической литературе // Румянцевские чтения: Тезисы докладов и сообщений (17-18 апреля 1997 года). - М., 1997. - С. 180-182 (0,15 п.л.).

42. Галкина Е.С. Роксоланы в среде североиранских кочевников Кавказа // Россия и Запад в XVII-XX вв.: история, взаимоотношения, интеграция: Тез. докл. междунар. науч. конф., 21-23 апр. 2003 г. – Рязань, 2003. – С.81-83 (0,1 п.л.).

Подп. к печ. 03.07.2006 Объем 2,25 п.л. Заказ №. 102 Тир 100 экз.

Типография МПГУ

